

Лилия Федотова (Феоктистова)

***...Жизнь моя,
иль ты приснилась
мне?...***

*Воспоминания моего отца,
Феоктистова Алексея Ивановича*

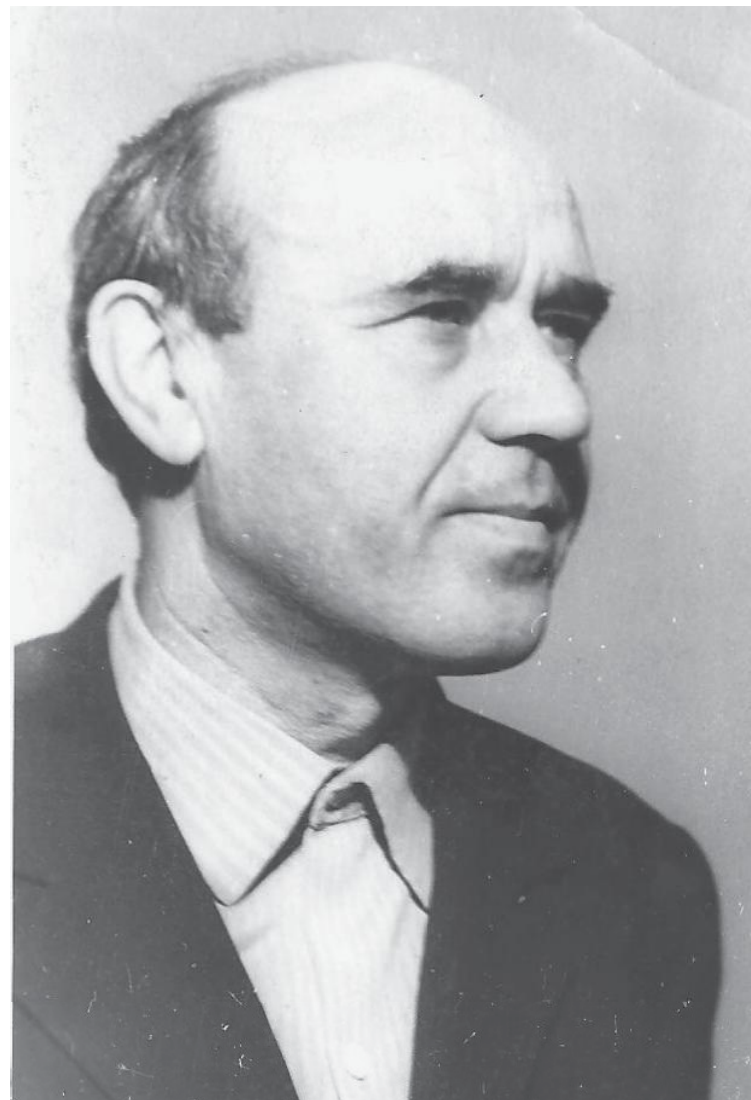
Санкт-Петербург

2022

Федотова (Феоктистова), Лилия Алексеевна.
...Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.... – СПб, 2022. –
108 с., с илл.

*На обложке:
фото реки Тверца в районе деревни Новенькая*

© Текст Л. А. Федотова, 2022
© Издательство «Часть речи», 2022

Алексей Иванович Феоктистов
(25 марта 1922 г. – 28 мая 1993 г.)

Предисловие

Разбирая семейный архив моих родителей, я наткнулась на старую потертую общую тетрадь. На обложке надпись: «Мои воспоминания. 1930–1980 годы». И дальше: «Начал писать в 1965 году. – г. Норильск».

В тетрадь был вложен пакет с большим количеством каких-то черновых записок, справок, ответы на различные запросы из разных инстанций.

Весь этот архив принадлежал моему отцу, а я о нем ничего не знала. Конечно, все эти записки нужно было прочитать, привести в порядок, а главное, понять, что этим он хотел сказать, почему молодой мужчина (а в 1965 году ему было всего 43 года!) принял такое решение и начал его осуществлять – писать воспоминания о своей жизни.

У норильского поэта Валерия Кравца есть стихотворение, а в нем такие строки: «Как быстро пир мой отшумел, а память все еще пирует...»

Память... как она разборчива и капризна и не всегда приходит, когда хочется что-то вспомнить.

Но почему вдруг – воспоминания? Ведь «пир ещё не отшумел», впереди целая жизнь!

Долгие годы, как говорится, «не доходили руки», я все время ставила перед собой какие другие временные

задачи: вот выйду на пенсию и займусь, перееду на «материк» и займусь, вот не буду больше работать и займусь... и так далее... далее...

Но время неумолимо, мчится со скоростью света, и я поняла, что пора отдавать долги, а то будет поздно.

Несколько месяцев понадобилось на то, чтобы прочитать записки в тетради и другие документы. Мне всегда казалось, что у папы отличный подчёрк, но выяснилось, что это не совсем так. Все, видимо, зависело от настроения или условий для записки, да и время прошло немало, где-то выцвели чернила и плохо читается карандаш.

Но – вот самое главное! В записках я нашла ответ на свой вопрос и поняла, как отец был прав, что все надо делать вовремя, не ждать, когда придет «то самое время», а начинать писать тогда, когда запросит душа.

«Давно это было, а вот все как сейчас перед моими глазами. Сколько трудностей, сколько переживаний, невозможно сейчас и вспомнить. Но жизнь есть жизнь и прожить её достойно не всем удаётся.»

И вот теперь, спустя столько лет от описываемых событий я понимаю, что прожитую жизнь нельзя повторить, а раз так, то остаются только воспоминания, которые приходят ко мне. Я хочу своими словами рассказать все то, что случилось в моей жизни. Годы были тяжелые и легкие, я пережил войну и два лагеря, радости и разочарования, уход родителей и добрых друзей. Я хочу, чтобы мои дети поняли меня и пока помню я что было в моей жизни, они, надеюсь, поймут как надо жить.»

Сначала я хотела просто набрать весь текст в компьютере и оставить для домашнего чтения. Но потом решила: надо издать пусть небольшую, но книжку, пусть её прочитают не только мои близкие, но и родственники, друзья и мои подруги, которые были знакомы с моим отцом и очень его любили.

Я надеюсь, что вы, читатели этой книги, простите мне мои какие-то огрехи, я не писатель и не редактор, а текст воспоминаний подлинный, без исправлений и правок.

Глава 1.

Детство

Осень 1929 год.

Построен новый дом в деревне Новенькое, из сруба для амбара. Бабушка Надежда Матвеевна не хотела заходить в него первой, а то умрет. Первой пустили кошку.

1930 год.

Летом работал на уборке – жал и помогал молотить рожь и овес. Мял лен. Боронил пахоту. Все делали со старшей сестрой Марией.

Осенью пошел в 1-й класс начальной школы, которая располагалась в Жорновке. Учился там до 4-го класса. Школа находилась в бывшем доме помещика Коняева, учительницу звали Варвара Харитоновна.

В деревне рядом с нами жили с правой стороны Петр (Хапец) Смирнов, а слева Авдотья (Балдышкина) Галактионова. При НЭПе она содержала шинок. В деревне было около 30 дворов.

Бедноты не было, вроде у всех имелись лошади, коровы, овцы, а вот зажиточных было несколько человек, которых раскулачили.

1931 год.

Весной организован колхоз «Красный берег». Отец избран председателем колхоза. Правление колхоза расположили в бывшей церкви. Нет семян, денег, тягловой силы.

В школе отпускали на каникулы в Новый год и Пасху. Ребята унесли сахарный песок из комнаты, где жила учительница. Все наказаны.

Осенью переведен из первого класса в третий, но через месяц убежал опять в свой класс. Не нравились ребята. Летом работал.

1932 год.

В колхозе полный упадок. Отец имеет истощение нервной системы, курит день и ночь. Не спит.

Все лето работал в поле. Хлеба мало. Добавляют в муку картошку, нет сахара, мяса, масла.

8

1933 год.

Полный голод. Хлеба еле–еле достаем. Ездим в город, где стоим в длинных очередях. Продают всего по килограмму в одни руки. За день с отцом покупаем 6–10 кг. По дороге хлеб отнимает милиция. В колхозе коров, лошадей, овец кормят соломой с крыш. Тяжелая, холодная зима.

Учусь в третьем классе.

1934 год.

Голодная весна. Умирают коровы и лошади, им нечего дать в кормушки. Резать не разрешают.

С наступления тепла сеяли. Еле–еле дождались щавеля и травы. Все лето пас коров и овец. Иногда работал в поле.

В июне месяце за хорошую учебу ездил на экскурсию в Москву. Был там 10 дней. Посетили картинную галерею, мавзолей Ленина, Красную площадь, заводы. Впечатления огромны. Первого сентября в школе писал рассказ «Как я провел лето».

Встречаюсь с хорошими людьми, они дачники и приехали из Ленинграда. Фамилия дачников Левашовы. Жена работала переводчиком у Кирова, очень восхищалась им. Муж был юрист и часто участвовал на процессах, когда судили врагов народа. Их два сына увлекались живописью и нарисовали две картины – ржаное поле и сосновый бор. Однажды с их отцом ходили на всю ночь ловить рыбу, поймали немного, но было весело и интересно.

Осенью много работал в поле. Убирали картошку, возили в г. Тверь, в военную часть у вагонного завода. Нас очень хорошо принимали. Зимой работал на ферме.

Зимой очень хорошо катался с гор. Ни кто не мог кататься на лыжах там, где я катался.

В Рождество было много интересного. Все чего–то ждали, особенно молодежь. Гадали и жгли костры на реке Тверце.

9

В субботу и воскресенье не загонят домой. Не хочется кушать, но как придешь вечером домой, падаешь как мертвый.

Четвертый класс закончил на «отлично». Все родные поздравляли меня, получил две книги, какие уже не помню, но очень интересные.

1935–1937 годы.

С 5 по 7 класс учился в Михайловской неполной средней школе. Ребята были из близ лежащих деревень, а мне приходилось каждый день ходить в школу пешком за 3 километра, несмотря ни на какую погоду, ни в мороз, ни в дождь не разрешали остаться дома. За пропуски занятий директор школы ругал и нас, учеников, и родителей.

После Жорновской школы там было труднее учиться,

т. к. привык к школе и старым друзьям. Мне очень нравились уроки труда, нас учили делать табуретки и столы, ремонтировать школьную мебель (парты, столы, стулья).

Летом работаю в поле, в огороде, а также пастухом. Очень нравились песни пастуха на рожке. Чудесное лето.

Интересных и забавных историй случилось в это лето. Помню, как уставший от работы в поле (пололи клубнику), лег под куст и заснул. В это время, одна из женщин, Ольга Горшкова (на прополке работали только женщины), не заметив меня под кустом (я лежал с другой стороны), пришла по легкому, брызгами разбудила меня и я не сразу понял что случилось, а когда понял, то всех уже разбирал страшный хохот. Все смотрели на меня как на новорожденного и поэтому я и вырос такой длинный.

10

Много, очень много читал все лето. На реке занимался плаваньем. Занял в эстафете первое место среди юношей и девушек. Осенью участвовал в беге на один километр и занял второе место. Был очень рад и казалось что я способен добиться рекорда. Потом были соревнования по прыжкам в высоту, прыгнул на 1м 75см, но никто не поверил, а когда попросили повторить, то я прыгнул только на 1м 62 см. Всем было смешно, а я был огорчен.

Учебу в школе закончил с хорошими оценками в 1937 году. Мне предлагали продолжить учебу в средней школе, но она была на Васильевском мхе. Знакомых там у нас не было, а ездить на поездом было очень неудобно. Посоветовался с родителями и мы приняли решение продолжить учебу в Калининне.

Все лето готовился к поступлению в Калининский машиностроительный техникум.

Глава 2. Юность

Вступительные экзамены сдал успешно, меня приняли в техникум, который находился рядом с вагонным заводом, недалеко от станции Дорошиха.

Моей радости не было конца, я не знал, как дожидаться начала учебного года.

Вначале я каждый день ходил из деревни на занятия пешком, а потом отец договорился (за плату) с дальней родственницей, у которой был свой дом на Ленинградском шоссе, недалеко от Горбатого моста на левой стороне, если ехать из Калинина на Ленинград. Дом был деревянный, двухэтажный.

В это время моя старшая сестра Мария уже училась в Калининском ФЗО, получала специальность электрика. Мы жили в маленькой комнатке, где даже не было стола, спали на топчанах. Жили очень трудно, питались тем, что привозили из деревни. Денег, чтобы купить что-то в городе, у нас не было.

Учебный год я начал хорошо. Все работы, выполненные мною, оценивались на хорошо и отлично. Моим желаниям не было конца, и я должен был начинать свою жизнь и вдруг ... болезнь отца и матери.

Мои представления о жизни в то время были весьма скудны, но мне казалось, что я должен сделать все, чтобы

11

отец и мать жили хорошо. Этот период был очень тяжелый. Мой брат Петр за хулиганские проступки получает наказание один год исправительно–трудовых работ. Мне стыдно и тяжело, но что делать? В моей жизни наступило время выбора: думать о себе или о матери и отце.

Старшая сестра учится, старший брат осужден – кто должен помогать? Остался я один в растерянном состоянии. А мне 16 лет. Сейчас, когда я пишу, мне кажется смешным, а вот в то время! Что мне было делать? Может быть, я и растерялся, но забота об отце и матери во мне была огромна.

12

С большим трудом учусь на 1–ом курсе машиностроительного техникума. Не потому, что некогда готовить уроки – нет, учился я хорошо, а потому, что всегда, каждый день думал о родителях, которые не в состоянии мне помочь материально. А кто поможет им? Что делать? Думал пойти работать, попытался, но меня не берут, мало лет. Потому приходилось скудно питаться, чтобы платить за квартиру–комнату в которой мы жили вдвоем с Марией.

Всю осень и начало зимы до конца 1–го семестра я каждый выходной ездил в деревню и чем мог помогал родителям, но однажды я не смог вернуться – отец и мать были тяжело больны.

Младшие сестры Полина и Вера не могли помочь, да еще мне было отказано хотя бы в скудной стипендии, не потому что плохо учился, а потому, что вышло распоряжение, что всем, у кого родители проживают в сельской местности, стипендию не выплачивать. Справки о болезни родителей, которые я предоставил в техникум, не возымели своего действия, и потому в начале января мне пришлось бросить учебу.

Глава 3. Учеба

Когда я пришел за документами, мне отказались их выдавать и потребовали вернуться. Но я уже не смог этого сделать, так как дал согласие колхозу пойти учиться на счетовода с выплатой стипендии от него.

В техникуме морально было учиться очень тяжело, так как не было и дня, чтобы в городе или области кого–либо из руководящих работников или даже студентов не забирали и не отправляли в неизвестном направлении. Газеты печатали сообщения о процессах над врагами народа. Было очень страшно и невозможно разобраться во всем этом. Вчера о нем говорили только хорошее, а сегодня сообщали что он враг народа и имеет связь с иностранной разведкой.

13

1938 год

Трудно было разобраться во всем происходящем, но молодежь думает о лучшем, тем более, что в феврале я уехал в гор. Конаково на учебу, где провел 6 месяцев и в июле 1938 года вернулся домой со свидетельством об окончании школы колхозных счетоводов.

Учился я вначале плохо, что–то не получалось, да и тоска по дому не давала покоя. Скука и моя несобранность в отрыве от отца и матери сказались на моей успе-

ваемости. Времени было много, но распорядиться им с пользой я не мог. Меня окружали люди, которые имели уже какой-то накопленный житейский опыт, все были старше двадцати лет, а вот к девочкам, которые были почти моего возраста я не имел никакого расположения. Вначале как с той, так и с другой стороны были насмешки, всем я казался странным и замкнутым.

Я читал много художественной литературы, а вот основные предметы не вызывали никакой заинтересованности, мне казалось, что это мне не понадобится, учился на тройки.

Но через месяц нам сказали, что тот, кто будет учиться хорошо, к 1-му Мая может на неделю поехать домой. Это известие подхлестнуло меня, очень уж хотелось поехать домой. Я изменился. Все мое внимание было направлено на учебу. Я стал вникать в суть предметов, а их было около двадцати, и, если что-то не понимал, стал больше обращаться к преподавателям. Результат не заставил себя ждать, уже в апреле мне присвоили звание лучшего ученика и дали разрешение на поездку домой. Моей радости не было предела.

Я еду вместе с товарищем, который жил в Стрельниково и был уже женат. Что привести домой после такой долгой разлуки? Я купил в подарок что-то из посуды, которую продавали как брак в ларьке от завода им. М. И. Калинина. Завод находился в Конакове и, как каждый завод, иногда выпускал и брак. Я очень был удивлен, когда узнал, что дно реки Донховки почти сплошь было усеяно бракованными тарелками и блюдами. Рассказывали, что в этом городе снимали фильм «Соловей-соловушка». Мой товарищ набрал этой бракованной посуды (конечно, не битой, а там, где был некачественно сделан обжиг или рисунок), и мы с ним ночью, около 11-ти часов, двинулись в путь.

В то время Конаково был небольшой городок и его

окружал сосновый бор, через который надо было пройти, прежде чем попасть на Волгу к пристани. Ночи были темные, а особенно в густом сосновом лесу. Было страшно проходить по подвесном мосту над оврагом: здесь, как рассказывали местные жители, на проходящих через лес нападали разбойники. Тропинка узкая и так темно, что впереди ничего не видно. Мы по очереди менялись, то он первым идет, то я. И вот, не доходя до пристани, мой товарищ выходит вперед и неожиданно исчезает передо мной.

Через несколько секунд я слышу его стон и звон битой посуды где-то снизу. Я остановился, страх напал на меня, думал, на нас напали разбойники. Бежать некуда. Что делать? Мой товарищ охает, но не разговаривает, слышно только звон разбитой посуды. Угроз не слышу и постепенно прихожу в себя. Спрашиваю, что случилось? Товарищ жалобным голосом говорит чтобы я дальше не ходил: впереди обрыв 3-4 метра высотой, о котором мы не знали. Он сильно ушибся и разбил всю купленную посуду.

Я нащупал ногой край обрыва и пошел в сторону по нему. Через несколько метров в был отлогий спуск и я через него перешел. Мы чуть не опоздали на пароход и всю дорогу вспоминали наше приключение.

Утром прибыли в Калинин. Дома все были рады, что я приехал, да еще с такими ценными подарками. Всю неделю я помогал по хозяйству, неделя пролетела быстро и я снова вернулся Конаково. Теперь все стало на свои места, я продолжал хорошо учиться и вскоре закончил учебу отличником, за что получил хорошую премию.

На деньги, которые мне выдали, я ничего не купил, так как старший преподаватель по бухгалтерскому учету предложил на них устроить вечер в ресторане. Отказаться было никак нельзя, так я и остался без премии.

В ресторане я был первый раз и меня быстро «убила» водка и коньяк, которых я не пробовал еще не разу в жизни. Все просили выпить с ними и я быстро набрался. Не помню, как вернулся в общежитие, утром проснулся почему—то в комнате девушек, они смеялись, а я ничего не мог понять. Что со мной случилось? Было очень стыдно, что я у них и больше всего мучила мысль, не сделал ли я что—то плохое. Но все, оказалось, было хорошо, я просто заблудился и зашел в комнату девчат, лег на чужую койку и уснул. Девчата пытались разбудить меня, но я был почти мертв. Весь другой день я был болен и страшно смущен. Ребята надо мной подтрунивали, а девчата смеялись. Долго я потом не мог видеть на столе водку или коньяк.

Глава 4. Довоенная жизнь

В это время я решил вступить в ряды Ленинского комсомола, так как считал и до сих пор считаю это правильным решением в моей жизни.

По возвращению с курсов счетоводов я работаю в колхозе «Красный берег», а в октябре 1938 года вступаю в комсомол. Отец и мать уже не болеют, да и брат заканчивает своё наказание. Помог случай. Летом Петр сопровождал заключенных в Караганду и по возвращению его досрочно освободили.

Жизнь начинает налаживаться и становится интереснее. Появились заботы о выполняемой работе, хотелось не опозориться перед руководством колхоза. Привожу все денежные документы в порядок и успешно сдаю годовой отчет колхоза за 1938 год в райисполком. За это председатель колхоза Макаров Петр приглашает меня в ресторан на речном вокзале. Вспоминая неприятное состояние в Конаково, после которого я не мог и смотреть на спиртное, мне купили газированной воды и «шикарный ужин». Было очень радостно на душе, что за короткое время я овладел бухгалтерским учетом.

Много приходится работать и в общественной жизни. Веду кружки ГТО, ГСО, выпускаю стенгазету, провожу комсомольские рейды, иногда пишу и в районную га-

зету. Жизнь и время заполнены полностью. Увлекаюсь игрой на балалайке, за что все вечера летом, не дают мне покоя девчата. Летний тихий вечер, нет гармошки, а поселиться хочется, и вот я не расстаюсь с балалайкой, да и мне самому нравится играть на ней.

18 Молодость есть молодость, хочется иногда и подшутить над взрослыми. Так вот однажды случилось вот что. Собрались мы втроем: я, Мишка Трусов и Сергей Егоров. Решили пойти в колхозный огород, который охранял дядя Сергея, Макаров Петр. На огороде росли огурцы и горох. Сам огород находился недалеко от Долматово. Место это было удивительно красивое. С одной стороны – всегда шумящий сосновый бор, а внизу болото с кочками и одуванчиками. Кругом растёт ольха со своим неземным запахом и благовонная трава – мята. Сколько свежести, какой аромат и если попадаешь в её владения, то кажется, что попал в рай. И вот среди темной ночи, изредка освещающейся светлячками, мы трое превращаемся в невиданных людей: каждый по очереди, наступает на болотную кочку припадая на одну ногу, и в результате то вырастали до громадных размеров, то становились совсем маленькими человечками. Сторож не спал и видел, как к нему приближается чудовище. При ярком свете луны это было впечатляюще. Он вышел из шалаша и, громко крича, схватил ружье и бросился бежать в деревню, а мы, ободренные таким оборотом дела, заскочили в колхозный огород. Что двигало нами, молодыми здоровыми ребятами, на такие поступки? Конечно, озорство юности, хотелось быть смелыми, почувствовать молодую силу, хотелось сделать что-то необыкновенное и забавное.

Еще много других забавных и даже смешных историй случалось в годы юности. Однажды вечером, часов в восемь, около дома Ольги Горшковой появился мужчина.

Он крадучись уходил со двора. Его окликнули, но он не остановился и бросился бежать в огороды. Ольга закричала о помощи и мы, вначале трое, а потом уже человек 6–8 парней и девчат, бросились за ним в погоню. Он бежал очень быстро к жорновской речке, поднялся по крутому склону на противоположный берег и стал нас сверху «обстреливать» камнями. Мы остановились, так как никто не ожидал такого. После короткого совещания решили меня и еще одного парня отправить в обход. Через несколько минут мы уже заходили с тыла, но он разгадал нашу затею и скрылся в кустах у дороги в город. Подоспела помощь, и все мы снова бросились в погоню. На жорновском поле я почти настиг этого человека, но он оттолкнул меня. Второй раз я все-таки сумел его остановить и увидел, что это Трусов Михаил, трясущийся от смеха. И он рассказал, что больше не может бежать и разрываться от смеха и уже сожалеет, что затеял эту шутку. Михаил попросил меня не сдавать его односельчанам и я ему пообещал ему подыграть.

19 Вот такие затейники жили в нашей деревне и еще долго этот случай вспоминали и очень сожалели, что не смогли поймать чужака.

1939 год

Колхоз закончил год с хорошими показателями, урожай удался, это подбадривало колхозников, так как влияло на количество выдаваемых за год трудодней.

В 1937–1938 годах на трудодни было выделено всего 150–250 килограмм ржи на человека, а денег вообще ни копейки. Мы работали в колхозе – три человека: я, папа, мама – и получили за год работы где-то около 400 килограмм ржи, а в семье было 6 человек. Вот так и живи, как хочешь. Ведь кроме еды нужна и одежда, тем более, у меня были еще две младшие сестры – Полина и Вера.

В сельском хозяйстве существовал семипольный сево-

оборот. Было семь полей и в каждом поле каждый дом имел свою полосу земли по количеству мужчин (или едоков, точно не помню)

Но 1939 год был очень удачный. Наша семья получила около 1000 килограмм ржи и пшеницы, да еще деньгами копеек по 20 на один трудодень.

Настроение у колхозников было хорошее, стало легче жить.

Работал в колхозе на весеннем севе, посадке овощей, а затем на сенокосе и уборке урожая.

Лето пролетело быстро, оно было теплым и солнечным. Много купались в Тверце, ловили рыбу на удочку и переметом. Хорошо было после перевозки сена или снопов ржи или пшеницы вечером искупаться в речке. А какой запах, аромат на уборке! Это представить невозможно не побывав и не поработав в эту пору.

20

Глава 5. Комсомол

В 1938 году в стране проводилась пробная перепись населения, а в январе 1939 года всеобщая. Я в них участвовал, за что получал благодарности и премии, а также был награжден значком «Отличник переписи населения».

Много пришлось поработать, а особенно ходить пешком. В мой участок входили деревни Глазково, Змеево и Баламутово. Транспорта не давали, а надо было в течение 10 дней вставать в 6 часов утра, и ходить по домам до поздней ночи, чтобы переговорить с каждым человеком.

В это время случались разных забавных историй, но одна из них – самая интересная – до сих пор сохранилась в моей памяти.

В Змееве я никак не мог застать одну женщину, которая жила в бане за домами на огородах. И вот однажды, проходя по деревне рано утром, я увидел в окне бани свет и побежал к ней. Заскочил в пристройку и стал стучать в дверь. В это время меня кто-то ударил в зад – да так, что я вылетел на улицу в снег. Ничего не могу понять, вокруг никого нет, в пристройке темно, ни шума, ни крика. Пришел немного в себя и постучал уже в маленькое окошко. Сразу же на мой стук в окне появились две кошки, две или три маленькие собачки, петух, курица и все это так

21

зашумело, залаяло, закричало, что я не мог понять, кто в этой бане живет. Наконец—то на шум вышла пожилая женщина и вежливо пригласила зайти в комнату. И вот, когда я проходил по пристройке, то увидел большого козла на привязи и понял, кто меня двинул в зад. В комнате было очень чисто и светло, по приказу женщины все животные перестали шуметь и разошлись по своим местам пристально рассматривая меня.

Потом как—то в августе или сентябре меня вызвали в райком комсомола и предложили работу заведующим сектором учета. Секретарем был тогда (*неразборчиво*), очень хороший человек. Еще будучи уполномоченным райкома, он, оказывается, заметил меня ещё в дни проведения переписи населения. Секретарем он был недолго, его сменил Ожимков Владимир, одноклассник сестры Марии, они вместе учились в школе в Михайловском.

Колхоз меня не отпускал и дал лишь согласие при условии если я останусь по совместительству счетоводом. Делать было нечего и я согласился. Мне в то время шел только восемнадцатый год. Работы в райкоме было очень много, тем более для меня, деревенского, несведущего в таких делах человека. Приходилось почти каждую неделю ездить по деревням района в комсомольские организации. Транспорта не давали и помогал только поезд и ноги. Сколько пришлось исходить и поехать...

Мой район был в сторону Москвы от Калинина до Кузьминок, Редкино, Барашево и другие в их округе деревни. Надо было присутствовать на собраниях, проводить проверки, налаживать работу и массу других мероприятий. Что я мог сделать, если нигде этому не учили? Да и спросить, проконсультироваться было не у кого. Все были заняты своими делами и им было не до меня. При-

ходилось готовить материалы на бюро, составлять проекты решений. Вначале не получалось, а потом немного наладилось. Секретарь райкома комсомола Ожимков не уделял внимание, как у кого идет работа, а лишь время от времени устраивал разнос тем, кто либо не выполнил работу в срок, либо тому, кто ему не угодил. В такой обстановке работать было тяжело, да еще надо было каждый день из города идти домой в деревню, так как ни комнаты, ни квартиры в городе не было. Первую получку (а оклад у меня был 450 рублей) я получил в 1939 году в октябре месяце.

1940 год

В райкоме комсомоле я проработал почти весь 1940 год. В октябре месяце Ожимков предупредил меня, что на мое место принимают девушку, как потом выяснилось, его невесту. Меня вызвали в райком партии и райисполком направил меня работать, с моего согласия, секретарем Жорновского с/совета, что меня устраивало т.к. я еще был и счетоводом колхоза. Помещение с/совета находилось в клубе, который построили в березовой роще через дорогу от церкви. Место очень хорошее, роща была посажена помещиком—чухонцем где—то в начале 19 века. Она сохранилась и сейчас

До моего прихода секретарем был Павлик Зенцов из с. Долматово. Его призвали в армию. Председателем колхоза был Румянцев Василий Федорович, а председателем — из нашего колхоза «Красный берег» Макаров Петр Алексеевич.

В работу секретаря входило много обязанностей: вести учет военнообязанных, дела ЗАГС, финансовые отчеты, а больше всего времени уходило на сбор и составление сводок в райисполком.

В декабре 1940 года меня избирают секретарем комсомольской организации и работы еще прибавилось.

Обязали вести кружки ГТО, ГСО, ПВХО, проводить соревнования, делать по колхозам комсомольские рейды по хранению семян, ведению хозяйствования, подготовке к зиме, к севу, содержанию скота. Кроме того, я вел работу счетовода в колхозе «Красный берег».

Вечерами проживавшая в деревне молодежь собиралась на лужайке у дома Горшковой Ольги Васильевны, а в ненастные дни в её доме. Я в то время научился играть на балалайке, которую сделал дядя Ваня (он с семьей раньше жил в городе и работал по ремонту кровель на домах). С ним произошел несчастный случай, он упал с крыши, тяжело был травмирован, долго болел и умер. У него было двое детей, Владимир и Тамара.

Вечерами меня вызывали, и я весь вечер тренькал на балалайке. В субботу или воскресные дни ходили гулять всей компанией в близлежащие деревни. Кино смотрели в клубе (где был с/совет) в Жорновке. Время проходило весело, возвращались в 2–3 часа ночи. Старшим у нас был Михаил Трусов, ровесник брата Петра. Петр в это время был в армии, служил недалеко от Львова на границе с Польшей.

Парней нас было двое – я и Михаил, а вот девчат было пятеро – Наумовы Нина и Катя, Козлова Нюра, Макарова и Камышова Катя. Отец, когда я поздно возвращался с гулянья, смеялся надо мной: «опять в камышах задержался».

Однажды случилось такое происшествие. Пришел с гулянья, захотел кушать и, не зажигая свет, стал искать в котелках (чтобы не разбудить родителей), что бы поесть. Нащупал в печке чугунок, а в нем что-то было. Попробовал – вроде неплохое на вкус, и я с аппетитом съел половину. Утром когда я проснулся, мама, как бы невзначай сказала – что же ты это нашего поросенка обидел? Оказывается она сварила это для поросенка, а я съел, но ничего, прошло все хорошо, я не болел.

Глава 6. Рыбалка

Весной, в половодье, ходили вечерами с отцом ловить рыбу наметкой (это сетка в треугольной рамке, привязанная на конце шеста). Шли вдоль берега Тверцы вверх по течению, закидывали, прижимали к дну реки и тащили на берег. Попадались рыба – щука, окуни, ерши, плотва, иногда налимы. За вечер вылавливали до 5 килограммов, что вполне хватало для еды, нас в то время было в семье 7 человек – папа, мама, сноха Лена, её сын Геннадий, я, сестры Полина и Вера.

Однажды мы ловили с отцом под горой, находящейся напротив нашего дома. Отец забросил наметку, но не успел прижать её ко дну, как мы очутились по колено в воде, которая быстро прибывала и прижимала нас к крутой горе, слева и справа впадины, да еще на берег стали напозать льдины. Отец вытолкнул меня выше, наметку выкинул на надвигающуюся льдину и сам бросился вслед за мной. Длилось это несколько секунд, все обошлось благополучно, но страху натерпелись надолго.

Случилось это потому, что на косе образовался затор льда (там за речкой берега сходятся и получается узкий проход для воды), она ускоряет течение, и вот большие льдины перегораживают русло, и сверху по течению льды напирают и лезут на берега, перегораживают реч-

ку. Вода быстро набирается и идет валом–волной. Вот мы под такую волну мы с отцом и попали, а она иногда бывает высотой до одного метра.

Все лето и осень я ловил рыбу на переметы и удочку. Улов был небольшой, по 2–4 килограмма несколько раз в неделю, но на еду семье хватало.

До строительства канала Волга–Москва летом в Тверце воды мало, но много перекаатов, и вот на этих перекатах я ловил пескарей. Заходил в воду на быстрину, вода по колено, ногами пошевелишь, вода становится мутной (ил поднимался), подождешь минутку–другую, и вот они – пескари, по дну плывут к этому месту. Иногда бывало их много, щиплют пальцы ног, щекотно. И вот дальше, берешь удочку (короткую 0,5 м), на конце которой леска с крючком а на крючке червяк. Осторожно опускаешь леску (вертикально), подводишь к пескрям и они хватают наживку. Это все происходит в чистой воде, на глазах, и как пескарь только захватит наживку вытаскиваешь его и сажаешь на кукан, и все повторяется сначала. Таким образом вылавливал до 100 штук. пескарь рыба небольшая сантиметром 10–15 максимум. Такая ловля продолжается где–то 1–1,5 часа, и вот они исчезают, больше не подплывают, значит надо уходить на другое место. В глубоких местах, где песок или трава, пескарь не водится, а живет только, где мелкие камешки и быстрое течение.

Осень и зима 1940 года пришли у меня с нехваткой времени. Надо было везде успевать – и в работе сельсовета, и в колхозе, где я так и работал счетоводом.

Месячные, годовые отчеты, различные ведомости – все это было на мне. Часто проводили рейды по колхозам – то по хранению семенного фонда, то по содержанию скота, то по подготовке к весне.

Глава 7. Война

Весна, начало лета 1941 года

Жизнь дома помаленьку налаживается, родители стали меньше болеть, лучше кушать, появились кое–какие деньги, мне купили новые брюки, рубашку, ботинки. Все шло хорошо и радовались приходу лета. Я опять возобновил свою рыбалку в Тверце, сначала переметом, а потом и удочкой. Без рыбы не было почти ни одного дня.

Мы со снохой Леной долго думали, как добиться приезда брата Петра в отпуск из армии. Уже в начале года собрали документы, подтверждающие необходимость его приезда, и отправили в его часть, но обстановка на границе с Польшей была напряженной, и его приезд домой задерживался.

Пришел май, и мы стали ждать демобилизации Петра, он должен был уже в июне приехать домой.

Сестра Мария после окончания ФЗУ работала на вагоностроительном заводе, вначале электриком, а потом перешла в комитет комсомола завода, а уж оттуда в Заволжский комитет комсомола.

Сестры Полина и Вера учились в школе в Михайловском, а в июне уже были на каникулах.

Колхоз закончил посевную компанию успешно, радовались дружным всходам посевов и готовились к сенокосу.

Обстановка в мире ухудшалась все больше и больше, говорили о войне СССР с Германией, хотя и заключили договор о ненападении. Тревожно было и на границе с Японией, провокации и инциденты были частыми. Не налажено отношение с Финляндией, тревожные сообщения шли и из Прибалтики, а также было беспокойно на границе с Польшей и Румынией.

Много говорили о бдительности, задерживали шпионов, диверсантов. Надвигалась гроза военная, это чувствовалось каждый день. Несмотря на то, что все говорили о скором начале войны, так как немцы к июню оккупировали почти всю Европу, Балканы, их войска стояли у нашей границы, все еще надеялись на возможность мирного разрешения. Из СССР в Германию согласно заключенным договорам отправлялись хлеб и уголь нефть.

О начале войны я узнал утром 22 июня. Это было воскресенье. Я с утра работал на приусадебном участке. Радио у нас в доме не было, из города приехал часовой в одиннадцать дня сосед и сообщил, что началась война.

Я, как секретарь Жорновского с/совета, вел военно-учетный стол. Меня срочно вызвал в с/совет председатель Василий Федорович Румянцев сказал, что получил пакет из райвоенкомата и передал мне. В нем было сказано о срочной мобилизации воинов запаса нужных военных специальностей и о месте сбора их в городе Калинине в течении от одного до 3-х суток.

Я срочно выписал им повестки, сел на лошадь верхом и сам, за день, объехав все деревни: Новенькое, а также

Жорновку, Софьино, Баламутово, Пуково, Александровку, Змеево, Глазково, Долматово, всем вручил повестки. Как я уже писал ранее, радио тогда у нас в деревне не было, так что все новости о войне я слушал у Сергея Макарова, у него был детекторный приемник.

Война пришла неожиданно, фашисты без объявления войны 22 июня около 5-ти часов утра напали на нашу родину, бомбили города Киев, Минск, Севастополь и другие ближайшие города к границе. От Черного моря и до Ледовитого океана немцы атаковали наши пограничные войска.

Обстановка складывалась для СССР очень тяжелая. Наши войска во многих местах отступали. За первые две недели враг оккупировал прибалтийские республики, значительную часть Белоруссии и Украины, уничтожил около 1500 самолетов и много другой военной техники. Наши войска несли огромные потери в людях, значительная часть войск оказалась в окружении в тылу врага.

Положение на фронтах с каждым днем ухудшалось, фашисты продвигались по нашей земле до 60 км в сутки.

Слухи приходили до нас неприятные, с нетерпением ждал газеты, когда принесет почтальон. Обстановка была крайне напряженная, рассказывали о том, что задерживалось много немецких диверсантов и шпионов в городе и сельской местности. Шли слухи, что может быть выброшен десант у Мигалово, с целью захвата военного аэродрома.

Каждый день выписывал и развозил по деревням новые повестки о призыве все новых и новых воинов запаса; многие сами, добровольцами, уходили на призывные пункты.

Паники в народе не было, люди были уверены, что долго война не продлится – максимум 3–6 месяцев, наша армия сильная и прогонит фашистов с территории СССР. Так нам говорили на колхозных сходах, так писали газеты, и мы были в этом уверены. 3 июля Сталин выступил по радио с обращением ко всему народу и призывал не паниковать, сил у нас хватит, чтобы остановить и прогнать врага.

«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!».

8 июля 1941 года я выписал и принес повестку о явке на сборный пункт отцу, он сапер и эта специальность была очень нужна. Ему только–только исполнилось 50 лет.

30 Я уже дважды ходил с мамой на призывной пункт и оба раза Пушкарев (работник райвоенкомата) возвращал меня домой и говорил – пока будешь помогать нам на сборном призывном пункте, а там посмотрим.

Глава 8. Как это было

15 июля я был срочно вызван на сборный пункт. Мама пошла со мной – как знала, что домой я уже не вернусь. Из Савватьево нас, в количестве 35–ти человек, отправили в Калинин, в военкомат. Прибыли около 2–х часов, где нас собрали и объявили, что мы будем отправлены в войска ВВС и вот–вот должен прибыть представитель части. Каждого по отдельности вызывали в кабинет, где представитель задавал 3–4 вопроса по математике, физике и геометрии, спрашивал где работаешь и некоторые другие общие вопросы.

31

После разрешили немного отдохнуть и сказали, когда будем отправляться. Мама пошла в магазин и купила что–то покушать. В 19–00 объявили сбор и сообщили: стройтесь в колонну и идите на железнодорожную станцию г. Калинина. Меня назначили старшим группы, вручили нужные документы для проезда до города Тулы. В помощь мне назначили помощника, который должен был вести политработу. После этого разрешили в течении одного часа попрощаться с родными и купить продукты в дорогу. Мама неотлучно следовала за мной и все приговаривала – «как мне теперь жить»?

К тому времени из нашей деревни уже ушли в армию Алексей Горшков, Иван Трусов, Михаил Трусов, Арсений Макаров, да, можно сказать, все, кроме Василия Румянцева и Петра Макарова, первый был председателем с/совета, а второй председателем колхоза.

На калининской железнодорожной станции, когда пришли, а мама шла следом за нами, на путях у перрона стояли пассажирские вагоны, в один из них погрузили и нас. Через несколько минут поезд тронулся, я попрощался с мамой, зашел в вагон, и пока её было видно, махал из окна ей рукой.

Эту дату, 15 июля 1941 года, я запомнил на всю жизнь. На эту станцию я вернулся только через одиннадцать лет.

Утром поезд нас привез в Москву на Ленинградский вокзал, отсюда переехали на Курский. Я зашел к военному коменданту, показал документы, и он мне выдал билеты на поезд до Тулы, который отправлялся только ночью. День был свободным и ребята, у которых были родственники в Москве, отпросились у меня и уехали до вечера. Мы же с оставшимися ребятами сначала послушали концерт в вокзальном фойе, который давали какие-то московские артисты, а потом бродили по городу. Москва гудела, как растревоженный улей, народ кучками двигался в разных направлениях, все говорили о положении на фронтах, лица сосредоточенные, не слышно было смеха.

Ощутить это сейчас можно только, если создать ту же обстановку, которая было тогда. Все было размеренно, подчинено порядку, лица были суровы, разговаривали негромко, но четко, паники никакой у людей не было.

Москва поражала своими размерами, архитектурой, чистотой на улицах, порядком и обилием всевозможных

продуктов в магазинах. Очереди почти отсутствовали. Было трудно понять, что где-то идут кровопролитные бои, гибнут советские солдаты и мирные люди, и немцы рвутся к Москве.

Ребята вернулись, мы сели на поезд и уже утром были в Туле, где я отправился к военному коменданту на станции, чтобы узнать, как добраться до в/части, куда мы были приписаны. Тут мы с помощником (по незнанию) совершили ошибку, не провели переключку, поверив на слово, что все на месте и отставших нет.

До части надо было ехать на трамвае, народу было много, и мы договорились, что сбор всех будет на проходной артполка. Как позднее выяснилось, к проходной пришло только 29 человек вместо 34.

Дежурный не разрешил заходить на территорию полка, пока не соберется вся команда. К вечеру все еще не вернулись три человека и нам с большой руганью разрешили пройти на территорию.

Мне, как старшему, попало больше всех. Я передал документы в штаб и нас уже поздно вечером накормили и определили в казарму.

Позднее выяснилось, что из отставших — один вернулся через два дня, другой через три, а последний — через пять дней. Оказывается, он уехал аж за Тулу на 200 километров к своей тетке и там гостил. Мне все это время от командира не было покоя, и даже шел разговор о том, что, если они не вернуться, меня будут судить. Мне было неприятно выслушивать эти справедливые слова и я не находил себе место, время было военное и требовалось соблюдать жесткую дисциплину.

Через 2 недели нас, около 100 человек новобранцев, из Тулы пешком направили в летние военные лагеря, расположенные где-то в 15–20 километрах от города.

Мы стали курсантами 907 запасного артполка 2-й учебной батареи Тульского артиллерийского училища и должны были пройти кратковременное обучение на звание младшего командира артиллерийского расчета.

Обучение на курсах проходило с 18 июля по 16 октября 1941 года. С 17 октября наш артдивизион из летних лагерей был отправлен в Тулу, а затем в города Саранск и Йошкар-Ола, где мы пробыли до 30 октября.

Из Йошкар-Олы в первых числах ноября отправили на станцию Сергач Горьковской области, где мы прошли формирование. Наш артдивизион был зачислен в состав Западного фронта, 33 армию, 338 стрелковую дивизию, 910 артполк, 2-ю батарею на 76 мм орудия. Командиром батареи был старший лейтенант М. И. Михайлов.

34

Немцы рвались к Москве. Наше командование готовилось дать отпор хваленной гитлеровской армии.

17 ноября прибыли под Москву на Западный фронт. Здесь я впервые столкнулся с войной.

На моих глазах погиб молодой лейтенант, только что прибывший на фронт, с которым мы ехали на передовую, к счастью, в разных санях. Его сани наехали на мину, оставленную немцами после отступления.

С 6 декабря 338 стрелковая дивизия, в составе 33 армии, от обороны перешла к контрнаступлению, я и мои боевые товарищи участвовали в освобождении от немцев городов: Наро-Фоминска, Медыни, Боровска, Вереи, почти до Вязьмы.

Битва под Москвой стала первой серьёзной и масштабной победой советских войск над немецкими. Большое историческое значение Московской битвы – в том, что миф о непобедимости вермахта был решительно развеян.

Война войною, но случались и курьёзные случаи. Зима 1941–1942 годов была очень холодная. Поэтому, после установки орудия мы устраивали землянки. Однажды случилось так, что сменившийся с поста часовой сильно продрог, спустился через полог в землянку и добавил дрова в «буржуйку», а сам, уставший с мороза, заснул. Печка так раскалилась, что загорелась солома, на которой спали солдаты. И вот весь наш расчет, задыхаясь в дыму, ползал по полу землянки, стучаясь друг о друга, но выхода наружу никак не могли найти. Помог нам часовой, который увидел в ночи пламя, идущее из землянки. Утром было много смеха, когда увидели друг друга: у кого обгорела шапка, у кого рукав, носки, валенки, а у некоторых подпалились даже волосы. Все были чумазые, но веселые, что все обошлось благополучно.

Обстановка в дивизии в январе–феврале 1942 года складывалась тяжелая. Значительные потери личного состава, погодные условия. Командование требовало уничтожить противника и овладеть городом Вязьма. Наша 338 стрелковая дивизия с невероятными усилиями, уничтожив немцев на рубеже р. Угра, отрезанная от остальных частей и без снабжения, оказалась в окружении и перешла к круговой обороне. В апреле 1942 года был получен приказ любыми способами прорывать окружение.

35

Глава 9.

Плен

При выходе из окружения у деревни Горнево я был ранен в ногу и голову. Где-то перед майскими праздниками недалеко от линии фронта при перестрелке с немцами я был взят в плен.

36

Положение мое в тот период было плачевное. Ходить я уже не мог, были обморожены пальцы на ногах, воспалилась рана, высокая температура. Как взяли в плен не помню, потом рассказывали, что меня вели под руки наши красноармейцы. Пришел в память на следующий день. Находились в какой-то деревне в небольшом доме. Через несколько дней отправлен был в больницу (если это можно было так назвать) в село Климов Завод, где находился до ноября 1942 года, пока зажили раны, перенес дизентерию и брюшной тиф.

(Отец всегда жалел о том, что, не запомнил фамилию нашего русского доктора, который ценой невероятных усилий, без медикаментов, без какой-то помощи со стороны немцев, спас от смерти десятки советских солдат и его в том числе — Л.Ф.).

После больницы отправлен в лагерь для военнопленных — сначала в Ельню, затем в Вязьму и Смоленск, где

заболел туберкулезом. По мере приближения советских войск в конце 1943 года немцы, нас военнопленных, этапом отправили в Югославию, а в 1944 году — в северную Италию, недалеко от города Триеста. Пленные работали на строительстве укреплений порта.

В середине апреля наш лагерь был освобожден частями НОАЮ (Народной освободительной армией Югославии) и после проверки меня зачислили рядовым бойцом в 10-ю ударную бригаду.

Вместе с югославами 2 мая 1945 года участвовал в освобождении от немцев города Триеста, а затем и в охране сооружений морского порта и самого города. В бригаде прослужил до июля 1945 года.

В конце июля с группой бойцов включен в списки для отправки на родину. Перед отправкой мне выдали удостоверение о том, что я проходил службу в 10 бригаде Югославской армии.

Удостоверение это в августе 1945 года в городе Молотовске (с 1957 года Северодвинск) было у меня отобрано сотрудниками органов МВД.

(При последующих запросах отца в соответствующие органы для получения хотя бы копии этого удостоверения ему отвечали, что в личном деле его нет. Когда я знакомилась с его личным делом в 1999 году, удостоверения в действительности не было. — Л. Ф.).

Нас, бывших пленных, собрали целый эшелон, везли через Югославию — в г. Загреб, где 2 недели с нами проводили ученья в воинской части 4-го Украинского фронта. Ходили слухи, что куда-то готовят к отправке, скорее, на восток — к Японии.

В августе из Загреба переправили в Белград, разме-

37

стили на окраине города, в школе, прожили так около недели. К нам приходил один офицер, Герой Советского Союза, рассказывал о том, что тоже был в плену, бежал, поверили, направили на фронт и вот он за свой подвиг получил эту награду.

(Отец рассказывал, что за несколько дней до отправки на родину к ним в бригаду, где было много бывших русских военнопленных, приезжал И. Б.Тито, и отговаривал их от возвращения, говоря, что он (Сталин) им плена не простит. Как он был прав! – Л. Ф.)

38

Далее уже из Югославии нас повезли в Болгарию, в Софию, расселили где-то на окраине, место оцепили колючей проволокой, выходить запретили. Через 5 дней перевели в горы, в бывший немецкий лагерь для русских военнопленных. Лагерь был оборудован немцами по всем нормам – 3 ряда колючей проволоки, по углам вышки с пулеметными гнездами и деревянные бараки.

Буквально вскорости из Болгарии нас отправили в Советский Союз. Везли через Румынию – г. Яссы, где над нами поставили охрану и после мытья в бане погрузили в пультманы и повезли на родину. Везли через Москву, а разгрузили в Молотовске (под Архангельском).

Прошел слух, что скоро отправят по домам, даже разрешили написать письма. Я написал и отправил, дома его получили и были счастливы, так как вестей от меня не имели три года.

Но скоро мечты наши были развеяны. Нас погрузили на пароход «Киров», разгрузили в Дудинке, откуда отправили в Норильск. Это был сентябрь 1945 года.

Глава 10. Норильск

Поселили в 7-ом лагерном отделении. Оттуда водили на работу на строительство коксохимического завода. Из отделения не выпускали, лагерь был под охраной. Руководство лагеря объясняло такой режим тем, что проводится госпроверка нашего пребывания в плену.

39

Так прошел год. Во время проверки в ПФЛ фактов преступной деятельности не было выявлено. Этот год просто выпал из моей жизни. Я в это время нигде не числился, даже в трудовой стаж этот год не вошел, ведь меня просто не было, я просто был *никто*.

В сентябре 1946 года вызвали в спецчасть и ознакомили с постановлением начальника Норильского ИТЛ, что на основании ГОКО 9871–с–45г. я переведен на положение спецпоселенца сроком на 6 лет (с 02 сентября 1946 г. по 29 сентября 1952 г.). Из фильтрационного лагеря меня и еще несколько человек выпустили и направили на строительство никелевого завода, в агломерационный цех.

Жить определили в общих бараках, паспортов не дали, выезд из Норильска запрещен, каждый день утром и вечером нужно приходить в спецчасть и отмечать свое присутствие.

Через 1,5 месяцев я был переведен на работу в управление строительства десятником, затем монтажником.

От спецпоселения освобожден 20.09.1952 года на основании приказа МВД СССР от 19.11.1951 года.

В 1956 году получил справку о полной моей реабилитации.

В 1961 году окончил Норильский вечерний техникум

Весь мой трудовой путь на Норильском комбинате ознаменован одним местом работы – Управлением строительства, на котором я проработал 34 года – старшим мастером, прорабом, начальником участка, начальником производственно–технического отдела, до выхода на пенсию в сентябре 1980 года.

В Норильске я обрел свою семью, познакомился с моей будущей женой, Обедниной Елизаветой Лаврентьевной. Она после окончания десятилетки в 1945 году в г. Томске закончила двухгодичные курсы медсестер, как военнo-обязанная была направлена в Норильск на работу.

Брак официально зарегистрировали 24 мая 1949 года, хотя совместно проживали с октября 1948 года. *(Вместе прожили почти 45 лет. – Л. Ф.)*

У нас двое детей: дочь Лилия, 1949 года рождения, и сын Сергей, 1958 года рождения.

Норильск стал моим вторым домом, здесь я встретил свою жену, обрел добрых друзей, никогда не чувствовал себя изгоем, так как меня окружали многие годы такие же, как я, невинно осужденные и сосланные на север. В Управлении строительства Норильского комбината я получил замечательную профессию строителя, которой был верен до конца.

Этот город я полюбил еще за то, что он такой один, город, который привлекает к себе всеобщее внимание как

звезда севера, индустриально–социалистическое чудо в Заполярье. А люди здесь необычные, поражают своей стойкостью и любовью к делу, которому они служат, да и не каждый сможет жить и работать, когда на улице минус 50 градусов.

Фронтовых наград нет. Награжден юбилейными медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «70 лет вооруженных сил СССР (1918–1988)», «За ударный труд в ознаменование 100–летия со дня рождения В. И.Ленина», «Ветеран труда», значок «Ударник 10–й пятилетки», различными грамотами к Дню строителя.

Глава 11.

Славный род мой

1. Дедушка – Сергей ? Феоктистов.

42 Родился в 1852 году, крепостной крестьянин, призван к воинской повинности 2 декабря 1874 года и по 130 жребью был зачислен в ратники ополчения.

Умер 29 января 1922 года.

2. Бабушка – Надежда Матвеевна Феоктистова.

Родилась в 1853 году, крепостная крестьянка, имела образование 4 класса, умела читать и писать.

Умерла 21 октября 1932 года.

Дедушка и бабушка поженились 2 февраля 1875 года. У них было четверо детей (3 дочки и сын).

3. Отец – Иван Сергеевич Феоктистов.

Родился 11 июня 1891 года в деревне Новенькое. Занимался хлебопашеством, зимой работал жестян-

щиком. В 1915 году призван в армию, участвовал в Первой мировой войне, а с 1917 года в Гражданской войне. Служил в 25–й Чапаевской дивизии. В день гибели Чапаева как раз вернулся в часть из дома, куда был отпущен в кратковременный отпуск, который дали за наводку на мост через реку. Казаки жестоко поступили с красноармейцами, кто не мог уйти, всех порубали, а ушло очень мало солдат.

Во время коллективизации вступил в колхоз, где был первым председателем. Колхоз назывался «Красный берег» и просуществовал до 1942 года, затем был объединен с колхозом «имени Кирова», находящегося в Жорновке, а еще впоследствии совхоз «Калининский».

В июле 1941 года был призван на Великую Отечественную войну, в декабре комиссован по возрасту (исполнилось 50 лет).

После войны работал в Райпромкомбинате до 1968 года, награжден правительственной наградой медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

4. Мать – Федосья Васильевна Феоктистова (Козлова).

Родилась 11 июня 1890 года. До замужества работала служанкой у помещицы, усадьба которой находилась в Жорновке, с ней ездила даже в Ялту. После революции была крестьянка, а потом колхозницей с 1931 по 1965 год. Ударница, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Отец и мать поженились 28 октября 1942 года. У них было пятеро детей (3 дочки и 2 сына).

5. Старший брат – Петр Иванович Феоктистов.

Родился 12 июля 1915 года. В 1939 году был призван на действующую службу в ряды Красной Армии. Участник Великой Отечественной войны. Начало войны застало на границе под г. Львовом, где проходил военскую службу. Был ранен, прошел по оккупированной территории до Калинина и вернулся в строй.

Участвовал в боях с немецко–фашистскими захватчиками от Сталинграда до Прибалтики. Имеет награды: медаль «За отвагу», «За освобождение Кенигсберга». «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 8 благодарностей от командования за успешное выполнение боевых заданий.

44

Женился 30 ноября 1937 года, на Масловой Елене Васильевне из деревни Изворотень, родившейся 5 июня 1911г. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Петр работал агентом в областной конторе «Заготовживсырье».

Двое детей: сын Геннадий (14. 08. 1938 г.) и дочь Татьяна (22. 01. 1949г.)

6. Старшая сестра – Мария Ивановна Феоктистова.

Родилась 25 февраля 1919 года. После окончания ФЗО работала на вагоноремонтном заводе в г. Калинине, в комитете комсомола, затем в Управлении МВД по Калининской области. После выхода на пенсию работала в облсельхозуправлении.

7. Сестра Полина (Пелагея) Ивановна Феоктистова (Курочкина).

Родилась 4 ноября 1925 года. Замужем. Работает дежурным электромонтером в Калининсельэлектро.

Двое детей: сын Александр (1949 г. рождения); сын Владимир (1955 г.р.)

Обе сестры награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

8. Сестра Вера Ивановна Феоктистова.

Родилась 25 августа 1927 года. Работает мастером на Калининской витаминно–кондитерской фабрике.

(Некоторые сведения о нашей семье представлены в справке исполнительного комитета Жорновского сельского совета от 10 мая 1950 г., остальные – из записей отца. – Л. Ф.)

45

Глава 12.

Жуков

46 *(Записи событий, происходящих в жизни отца обрываются 1952 годом, когда с него были сняты ограничения и он смог съездить домой к родителям и вернуться назад. Желания уехать из Норильска «насовсем» не возникало, город стал вторым домом, здесь была семья, работа, друзья, с которыми прошел долгий путь заключения. Город стал частичкой его жизни.*

Но война – она не ушла, не забылась. И в своих записях отец возвращается к ней, переписывая для себя воспоминания и события тех дней, а именно тех событий, в которых он участвовал, и которые были очень важными для него. – Л. Ф.)

Продолжение записей из тетради

Вот как описывает военные события Г. К. Жуков в книге «Воспоминания и размышления» с осени 1941 года и до лета 1942 года, на тех направлениях, где участвовала 33-я Армия.

«В это тяжелое время ставка усилила Западный фронт 33 Армией под командование генерал-лейтенанта М. Г. Еф-

ремова. Она заняла оборону в районе Наро-Фоминска в промежутке между 5-той и 43-ей армиями.

...однажды у меня состоялся разговор, не совсем приятный, по телефону с Верховным:

– Как ведет себя противник? – спросил И. В. Сталин

– Заканчивает сосредоточие своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление, – ответил я.

– А где вы ожидаете главный удар?

– Более мощный удар ожидаем в районе Волоколамска. Армия Гудериана, видимо, ударит в обход Тулы на Каширу.

... Не помню точно какого числа – это было вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-ой Армии Калининского фронта на правом крыле 16-той Армии, – мне позвонил И.В.Сталин и спросил:

– Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю у Вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

– Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы 200 танков.

– Это неплохо, что у Вас есть такая уверенность, – сказал И. В. Сталин – Позвоните в Генштаб и договоритесь, где сосредоточить две резервные армии, которые Вы просите. Они будут готовы в конце ноября., но танков мы пока дать не можем.

...1 декабря гитлеровские войска неожиданно для нас прорвали в центре фронта, на стыке 5-ой и 33-ей Армий, и двинулись по шоссе на Кубинку. Однако у деревни Акулово им преградила путь 32-ая стрелковая дивизия, которая артиллерийским огнем уничтожила часть танков противника.

Тогда танковые части врага, неся большие потери повернули на Голицыно, где были окончательно разгромлены резервом фронта и подошедшими частями 5-ой и 33-ей Армий.

4 декабря этот прорыв противника был полностью ликвидирован. На поле боя враг оставил более 10 тысяч убитыми, 50 разбитых танков и много другой боевой техники.

...И вот наступило утро 6 декабря 1941 года. Войска Западного фронта севернее и южнее столицы начали контрнаступление. В районе Калинина и Ельца двинулись соседние фронты. Развернулось грандиозное сражение.

В ходе 10-ти дневных боёв войска левого крыла Западного фронта нанесли серьёзное поражение 2-ой танковой армии Гудериана и продвинулись вперед на 130 километров.

Гитлеровские армии, обесиленные, измотанные боями, несли большие потери и под напором наших войск отступали на запад. Если бы тогда можно было получить от Ставки Верховного Главнокомандования хотя бы четыре армии на усиление (по одной для Калининского и Брянского фронтов и две для Западного фронта), то мы имели бы реальную возможность нанести врагу новые поражения, еще дальше отбросить его от Москвы и выйти на линию Витебск–Смоленск–Брянск.

... Вечером 5 января для обсуждения проекта плана общего наступления Красной Армии, я (Жуков) был вызван в Ставку Верховного Главнокомандования. После краткой информации Б. М. Шапошникова о положении на фронтах и изложения им проекта плана И. В. Сталин сказал:

– Немцы в растерянности от поражения под Москвой,

они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Замысел Верховного Главнокомандования таков. Учитывая успешный ход контрнаступления фронтов западного направления, поставить целью общего наступления разгром противника под Ленинградом и на юге страны.

... Переход в общее наступление предполагалось осуществить в крайне сжатые сроки. По изложенному проекту И. В. Сталин предложил высказываться присутствовавшим.

– На Западном направлении, – доложил я, создались более благоприятные условия и противник ещё не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для дальнейшего наступления необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить резервами, в первую очередь танковыми частями. Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там наши войска стоят перед серьёзной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств мы не сможем прорвать оборону немцев, только понесем большие потери. Я за то, чтобы усилить фронты Западного направления и здесь вести более мощное наступление.

«Мы сейчас ещё не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов, – заметил Н. А. Вознесенский (председатель Госплана СССР)».

– Я говорил с Тимошенко, – сказал И. В. Сталин, – он за то, чтобы наступать и надо как можно быстрее, чтобы немцы не смогли начать свое наступление весной.

И. В. спросил: – кто ещё хотел бы высказаться? Ответа не последовало.

– Ну, что ж, не этом пожалуй и закончим разговор. Выйдя из кабинета Б. М. Шапошников сказал:
– Вы зря спорили, этот вопрос был заранее решен Верховным.
– Тогда зачем спрашивали моё мнение?
– Не знаю, не знаю, голубчик! – сказал Борис Михайлович и тяжело вздохнул.

Директиву о наступлении штаб фронта получил 7 января 1942 года. Во исполнение этой директивы Военный Совет поставил войскам фронта следующие дополнительные задачи на продолжение наступления:

– правому крылу фронта (1 ударной, 20-ой и 16-ой армиям) продолжать наступление в общей направлении на Сычевку и во взаимодействии с Калининским фронтом разгромить сычевско-ржевскую группировку;

50 – центру фронта (5-ой и 33-ей армиям) наступать в общем направлении на Можайск, 43,49-й и 50-й армиям наступать на Юхнов, разгромить юхново-кондровскую группировку противника развивать удар на Вязьму.

... План был большой, но на ряде направлений он не был обеспечен ни силами, ни средствами. Все это оказало свое влияние на темпы и результаты нашего первого зимнего наступления.

...5-я и 33-я армии, наступавшие в центре фронта, к 20 января освободили Рузу, Дорохово, Можайск, Верею. 43-я и 49-я Армии вышли в район Доманова и завязали бой с Юхновской группировкой противника.

«Здесь я хочу более подробно остановиться на действиях советских войск в районе Вязьмы. В сорока километрах южнее Вязьмы (район Желанье) с 18 по 23 января для перехвата тыловых путей противника были

выброшены два батальона 201-й воздушно-десантной бригады и 250-й авиадесантный полк. 33-я Армия генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова было приказано развивать прорыв и во взаимодействии с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генерал-майора П. А. Белова, авиадесантом, партизанскими отрядами и 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта овладеть Вязьмой.

27 января корпус генерала П. А. Белова прорвался через Варшавское шоссе в 35 километрах юго-западнее Юхнова и через три дня соединился с десанниками и партизанскими отрядами южнее Вязьмы.

1 февраля туда же вышли три стрелковые дивизии 33 армии (113-я, 338-я, 160-я) под личным командованием генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова и завязали бой на подступах к Вязьме.

Для усиления 1-го кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова и установления взаимодействия с 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта Ставка приказала выбросить в район деревни Озеречни 4-й воздушно-десантный корпус. Но из-за отсутствия транспортной авиации в дело была введена одна 8-я воздушно-десантная бригада в составе двух тысяч человек. Развивая наступления из района Наро-Фоминска в общем направлении на Вязьму, 33-я Армия в последний день января быстро вышла в район Шанского завода и Доманова, где оказалась широкая, ничем не заполненная брешь в обороне противника.

Отсутствие сплошного фронта дало нам основание считать, что у немцев на данном направлении, чтобы надежно оборонять Вязьму. Поэтому было принято решение: пока противник не подтянул свои резервы, захватить сходу Вязьму, с падением которой вся вяземская группировка противника окажется исключительно в тяжелом положении.

Генерал–лейтенант М. Г. Ефремов решил сам стать во главе ударной группы и начал стремительно продвигаться на Вязьму.

3–4 февраля, когда главные силы этой группировки в составе двух дивизий вышли на подступы к Вязьме противник, ударил под основание прорыва, отсек группу и восстановил свою оборону на реке Угре.

Второй эшелон армии в это время задержался в районе Шанского завода, а левый его сосед – 43–я Армия – в районе Медыни.

Задачу, полученную от штаба фронта об оказании помощи группе генерала Ефремова, 43–я Армия своевременно оказать не смогла.

Введенный в сражение на Вяземском направлении кавалерийский корпус П. А. Белова, выйдя в районе Вязьмы, соединившись там с войсками М. Г. Ефремова, сам лишился тыловых путей.

52

К тому времени немецкое командование перебросило из Франции и других фронтов в район Вязьмы крупные резервы и сумело стабилизировать там свою оборону, прорвать которую мы так и не смогли.

В результате нам пришлось всю эту группировку наших войск оставить в тылу противника в лесном районе к юго–западу от Вязьмы, где базировались многочисленные отряды партизан.

Находясь в тылу противника, корпус Белова, группа Ефремова и воздушно–десантные части вместе с партизанами в течение двух месяцев наносили врагу чувствительные удары, истребляя его живую силу и технику.

10 февраля 8–я воздушно–десантная бригада и отряды партизан заняли район Моршаново–Дягилево, где разгромив штаб 5–й немецкой танковой дивизии, захватив при этом многочисленные трофеи.

В тот же день мы поставили об этом в известность ге-

нералов Белова и Ефремова. Им было приказано увязать свои действия с командиром этой бригады, штаб которой находился в Дягилеве.

Командование фронтом, установив с Беловым и Ефремовым радиосвязь, в пределах возможного, наладило снабжение их войск по воздуху боеприпасами, медикаментами и продовольствием. Воздушным путем было вывезено большое количество раненых.

В группу неоднократно вылетал начальник оперативного отдела штаба фронта генерал–майор В. С. Галушкевич, а так же командиры связи.

В начале апреля обстановка в районе Вязьмы серьезно осложнилась. Противник сосредоточив крупные силы, начал теснить группу, стремясь к весне ликвидировать опасную для него занозу. Наступившая к концу апреля оттепель до крайности сократила возможность маневра и связь с партизанскими районами, откуда она получала продовольствие и фураж.

53

По просьбе генералов Белова и Ефремова командование фронтом разрешило им выводить войска на соединение с нашими главными силами. При этом было строго указано выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10–й Армией будет подготовлен прорыв обороны противника, там она будет слабее.

Кавалерийский корпус и воздушно–десантные части в точности выполнили приказ и совершили большой подковообразный путь, вышли на участок 10–й Армии в конце мая – начале июня 1942 года. Умело обходя крупные группировки противника и уничтожая на своем пути мелкие, они вышли через прорыв, образованный 10–й Армией, в расположение фронта.

За время действия в тылу врага была устранена значительная часть тяжелого оружия и боевой техники. Большинство людей все же вышло к своим войскам. Ка-

кой радостной была встреча тех, кто вырвался из тыла врага, и тех, кто с фронта обеспечивал их выход. Бойцы и командиры не стыдились своих слез, это были слезы радости и солдатской дружбы.

Генерал–лейтенант М. Г. Ефремов считал, что этот путь слишком длинен для его утомленной группы, обратился непосредственно в Генштаб по радио с просьбой разрешить ему прорываться по кратчайшему пути – через реку Угру. Мне тут же позвонил И. В. Сталин и спросил, согласен ли я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов командарм и что надо согласиться с ним.

Ставка приказала организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен и осуществлен 43–й Армией, однако удара со стороны Ефремова не последовало.

54

Как выяснилось позже, немцы обнаружили отряд при движении к реке и разбили его.

Командарм Ефремов, дравшийся как настоящий герой, был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Вместе с ним погибла и значительная часть группы: командующий артиллерией 33–й армии генерал–майор П. Н. Офсосимов, способнейший артиллерист, большой души человек, другие работники штаба, ряд бойцов, выходивших вместе с командармом.

Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. «Орешек» там оказался более крепким, чем мы предполагали.

(Выделено отцом – Л. Ф.).

В феврале и марте Ставка требовала усилить наступательные действия на Западном направлении, но у фронтов к этому времени истощились силы и средства.

Ресурсы нашей страны в то время были крайне ограничены. Потребности войск ещё не могли удовлетворяться как этого требовали задачи и обстановка. Дело доходило до того, что каждый раз, когда нас вызывали в Ставку, мы буквально выпрашивали у Верховного Главнокомандующего противотанковые ружья, автоматы ППШ, 10–15 орудий ПТО, минимальное необходимое количество снарядов и мин. Особенно плохо обстояло дело с боеприпасами. На первую декаду января боеприпасов фронту было подано менее 30% от необходимого. Февральский план совсем не выполнялся. Из запланированных 316 вагонов на первую декаду не было получено ни одного ... Вероятно трудно будет поверить, но нам приходилось устанавливать норму 1–2 выстрела на орудие и это, заметьте, в период наступления!... Войскам было все труднее преодолевать сопротивление врага.

55

Наконец, Ставка была вынуждена принять наше предложение о переходе к обороне. Войска Западного фронта продвинулись в период зимнего наступления на 70–100 километров и несколько улучшили общую оперативно–стратегическую обстановку на Западном направлении.

Общие итоги великой битвы под Москвой были вдохновляющими для советской стороны и удручающими для противника. В битве под Москвой немцы потеряли в общей сложности более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч машин и много другой техники. Немецкие войска были отброшены от Москвы на запад на 150–300 километров.

... Мне нередко задают вопрос о роли И. В. Сталина во время битвы под Москвой.

И. В. Сталин был все это время в Москве, организуя силы и средства для разгрома врага. Надо отдать ему должное. Возглавляя Государственный Комитет Обороны и опираясь на руководящий состав наркоматов, он проделал колоссальную работу по организации необходимых стратегических ресурсов и материально-технических средств. Своей жесткой требовательностью он добивался невозможного.

Когда меня спрашивают, что более всего запомнилось из минувшей войны я всегда отвечаю: «Битва за Москву!»

56 «Выражаю глубокую благодарность всем участникам битвы, оставшимся в живых, я склоняю голову перед светлой памятью тех, кто стоял на смерть, но не пропустил врага к сердцу нашей Родины, столице, городу-герою Москве. Мы все в неоплатном долгу перед ними.

...Где бы ни находился советский человек – на фронте, в тылу страны, в тылу врага, в фашистских лагерях, на подневольном труде в Германии, – всюду и везде он делал все от него зависящее, чтобы приблизить час Победы над фашизмом.

...Но ни что не смогло сломить волю советского человека. Тяжела была горечь утрат, но подвиг павших вдохновлял живых!»

Р. С. Хочу закончить данную главу отрывком из стихотворения замечательного поэта-фронтовика Юрия Левитанского.

*...Ну что с того, что я там был.
В том грозном «быть или не быть»,
Я это все почти забыл,
я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне,
война участвует во мне.
И пламя вечного огня
горит на скулах у меня.*

*Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от тех снегов, от той зимы.
И с той зимой, и с той землей,
уже меня не разлучить.
До тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.*

Приложение

Новенькое.

Деревня в Калининском районе Тверской области. Относится к Михайловскому сельскому поселению.

Население по переписи 2002 года – 36 человек: 18 мужчин, 18 женщин.

Расположена в 10 километрах к северу от Твери, на левом берегу реки Тверцы. Рядом проходит автодорога «Глазково–Мухино».

К востоку – деревня (бывшее село) Жорновка. В районе деревни Новенькое запроектирован мостовой переход через Тверцу на скоростной автомагистрали Москва – Санкт–Петербург (северный обход Твери).

История деревни.

58

В «Списке населенных мест 1859 года» значится владельческая деревня Новенькое (Новая) со 113 жителями при 21 дворе. В середине XIX–начале XX века деревня относилась к приходу церкви Рождества Богородицы в селе Жорновка Васильевской волости Тверского уезда.

В 1997 году – 22 хозяйства, 40 жителей.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы (Жорновка)

Согласно Клировой ведомости за 1801 г., в селе Жерновка Тверского уезда стана Шоски и Кави располагался деревянный одноприходный храм Рождества Божией Матери, построенный в 1731 году. Церковь была «утварию довольна», к ней было приписано 36 десятин земли, 52 приходских двора, в них душ мужского пола – 214, женского – 193. В приход церкви входили: деревня Рылово, деревня Жданиха, Тюльки, сельцо Новое. Священник Павлов Арсений (38 лет, в чин определен в 1789 г.), дьячок Андреев Стефан (27 лет, в чин определен в 1797 г.),

пономарь Васильев Симеон (48 лет, в чин определен в 1776 году).

Приход в селе Жерновка всегда был бедным и малочисленным, поэтому и проект нового каменного храма составлялся экономично и скромно. Церковь строилась на средства прихожан. Из–за недостатка средств церковное здание завершили деревянной восьмигранной приземистой ротондой. Сводов не было изначально, храм перекрыт деревянными потолками.

Маленькая каменная сельская церковь Рождества Божией Матери была построена, согласно Тверскому епархиальному статистическому сборнику, в 1820 г. Престолов три: средний – Рождества Богородицы (главный), левый – Преподобного чудотворца Кирилла Новоезерского, правый – Святителя Николая.

При церкви находились принадлежавшие ей церковно–приходская школа и деревянная сторожка.

Церковной земли: усадебной неопределенное количество, сенокосной 8 десятин, пахотной 10 десятин, в пустыре 17 десятин 174 саж.

59

В 1901 г. в храме служили: священник Лебедев Петр Арсеньевич (35 лет, священником с 1888 г., окончил духовную семинарию), псаломщик Троицкий Арсений Никитич (58 лет, в этой должности с 1862 г.). В приход, кроме села Жорновка (Жерновка), входили: сельцо Новое, деревни Софьино, Пуково, Рылово, Долматово, сельцо Тюльки – всего 119 дворов (441 мужчина и 482 женщины). В приходе находились две часовни: в сельце Новое – Преподобного Сергия Радонежского, деревянная, построена в 1867 г., в деревне Рылово – Святого Пророка Илии, деревянная, построена в 1890 г.

В советское время в церкви, лишившейся восьмерика, в разные годы располагались: колхозная контора,

валяльная мастерская, клуб, почтовое отделение, столовая. К апсиде пристроили деревянную пристройку, в алтаре расположили будку киномеханика.

Храм перекрыли четырехскатной шиферной кровлей, которая искажила облик здания. Часть окон заложили, некоторые растесали.

В мае 2011 г. при храме в Жорновке был зарегистрирован православный приход. В том же году сломали часть перекрытий, сделанных в советский период, демонтировали перегородку между храмом и алтарем, сломали деревянную пристройку апсиды. 9 февраля 2014 г. на крышу установили временный крест.

Рядом семейное захоронение генерала Трефорта Ф. Ф., героя войны 1812 года, коменданта города Твери. К слову сказать, эта деревня ранее была селом Жерновка и была частью семейного имения Трефорта Ф. Ф.

60

Тульское артиллерийское училище

Рождение Тульской оружейной школы связано с Высочайшим повелением Государя императора Александра II об учреждении в Туле оружейной школы в именном Указе 15 июля 1869 года.

Александр II прекрасно понимал, что обучение и воспитание квалифицированного мастера не может происходить вне социальной среды того города, в котором процесс разработки и изготовления оружия длился веками.

Ученики школы должны были в теории знать весь технологический процесс изготовления абсолютно всех образцов стрелкового оружия, состоящих на вооружении русской армии, а их было свыше 20 — винтовок, револьверов, пулемётов. Они были обязаны в любых условиях, в том числе и полевых, самостоятельно изготовить любую деталь стрелкового оружия. Уметь работать с поверочными приборами. Знать правила хранения оружия и его консервации.

Оружейные мастера — выпускники Тульской оружейной школы — являлись немногочисленной замкнутой корпорацией военных чиновников российской Императорской армии. Они не имели офицерского чина и не относились к категории младшего командного состава. Их деятельность в войсковых частях была узконаправленной. От их профессионального мастерства напрямую зависела боеготовность и боеспособность войсковых частей, одним из показателей которой, всегда являлась исправность и сохранность оружия. Следовательно, Тульская оружейная школа, как ведущее военно-учебное заведение, готовившее кадры оружейных мастеров по ремонту оружия, занимала исключительное место в обеспечении обороноспособности страны.

Тульская оружейная школа являлась уникальным военно-учебным заведением России. При минимальных затратах государственных средств, она готовила для армии квалифицированных специалистов по техническому обслуживанию и ремонту стрелкового оружия.

50 лет просуществовала Тульская оружейная школа. Именно её высокий статус и исключительная роль в подготовке военных профессионалов позволили ей и после революции 1917 года этот статус сохранить.

Рождённая Октябрьской революцией, Красная Армия нуждалась не только в опытных командирах и бойцах. Ей требовались также и грамотные оружейные мастера. Поэтому 21 мая 1919 года приказом Всероссийского Главного штаба № 170 ТОШ была преобразована в Тульские оружейно-технические курсы (ТОТК). И на базе этих курсов была продолжена подготовка специалистов — воентехников для частей Красной Армии.

Занятия по новой программе приказано было начать с 1 сентября. 25 августа 1919 года штат довели до 200 человек, увеличилось число военных и гражданских преподавателей, были введены должности командиров

61

подразделений, административно-хозяйственных работников, служб обеспечения. Поступающие подвергались вступительным экзаменам по русскому языку, арифметике, географии. Срок обучения вначале был установлен годичным, но в дальнейшем в зависимости от обстановки на фронтах он менялся, уменьшаясь до 2 — 4 месяцев.

29 августа 1921 года оружейно-технические курсы были преобразованы в школу с 4-летним сроком обучения и она стала именоваться Тульской оружейно-технической школой (ТОТШ). Численность обучающихся в школе курсантов была доведена до 500 человек. За период своего существования до осени 1921 года оружейно-технические курсы провели 13 выпусков и дали фронтам гражданской войны 348 оружейных техников. В соответствии с Приказом Реввоенсовета Республики от В школу принимались военнослужащие (красноармейцы и младшие командиры) не старше 25 лет и гражданские лица в возрасте 18—20 лет. Все поступающие должны были иметь общеобразовательную подготовку в объеме полного курса гражданской школы 1-й ступени (4 класса). В школе кроме младшего, среднего и старшего классов (курсов) был создан подготовительный класс (курс), дававший возможность вовлечь в школу более широкие массы рабоче-крестьянской молодёжи.

За время своего существования ТОТШ провела 17 выпусков и дала войскам 1596 оружейных техников кадра и около 600 запаса.

16 марта 1937 года приказом НКО СССР ТОТШ была преобразована в Тульское оружейно-техническое училище (ТОТУ) имени Тульского пролетариата.

В годы Великой Отечественной войны уже 2 октября 1941 года перед курсантами училища поставлена боевая задача — участие в обороне переднего края на подступах к Москве.

Участие курсантских батальонов Тульского оружейно-технического училища в боевых действиях стало продолжением новой и необычной практики, когда подразделение военно-учебного заведения было превращено в боевую часть и брошено в кровопролитное сражение под Москвой и они с честью выполнили боевую задачу и свой воинский долг. После выпуска из училища они продолжали бить врага. Многие дошли до Берлина и Праги.

Сотни бывших курсантов — выпускников курсов, школ и училища — за доблесть и мужество, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, удостоились высоких боевых наград.

Участие 338-й стрелковой дивизии в Вяземской операции зимой 1941–1942 гг.

История «Вяземского котла», одного из самых трагических периодов в Великой Отечественной Войне, рассматривается на основе анализа участия в этих событиях 338 стрелковой дивизии. Анализируются события, которые привели к окружению армии и попытке из него прорваться. Уделяется особое внимание роли командующего 33 армии Михаила Григорьевича Ефремова.

В труднейших условиях первого периода Великой Отечественной войны, когда возникла угроза захвата Москвы, 338 стрелковая дивизия входила в состав 33 армии Западного фронта и во взаимодействии с 5-й и 43-й армиями поставила заслон немецко-фашистским ордам под Москвой, воспрепятствовав осуществлению плана гитлеровцев «Тайфун».

Формирование 338 стрелковой дивизии было начато в г. Пензе и области по решению Государственного Комитета Оборона в июле 1941 г. Подразделения дивизии формировались в селе Бессоновка — 1134 стрелковый и 910 артполк, в поселке Лунино — 1136 стрелковый полк,

в поселке Мокшан – 1138 стрелковый полк, в поселке Ахуны – 432 медико–санитарный батальон, 439 особый батальон, 1008 батальон связи, санитарный батальон и другие вспомогательные службы–дивизии. Штаб пехотной дивизии находился в г. Пензе.

В конце ноября – первых числах декабря 1941 г. части дивизии стали прибывать в район станции Павшино Красногорского района Московской области.

17 декабря 1941 г. дивизия была передислоцирована под г. Наро–Фоминск и вошла в состав 33 армии Западного фронта под командованием генерала М. Г. Ефремова (в начале дивизия была включена в состав 16 армии под командованием генерала К. К. Рокоссовского). А уже 18 декабря дивизия ведет ожесточенные бои с врагом на территории Боровского района Калужской области. Во взаимодействии с частями 113 стрелковой дивизии 31 декабря 1941 г. освободила г. Боровск, особо жестокие бои пришлось вести воинам соединения за деревни Коряково, Ивакино. Распоряжением № 024 от 18 января 1942 г. 338 СД совместно начинает в освобождении г. Верея Московской области. Это были первые недели «боевого крещения» дивизии. В конце января 1941 г. 338 стрелковая дивизия в составе Ударной Группы 33 армии вышла к г. Вязьма и завязала в упорных боях с врагом.

В начале февраля 1942 г. командование немецкой группы «Центр» подтянуло в район городов Вязьмы и Юхнов крупные резервы, и фашистские войска перехватили коммуникации наших соединений севернее и южнее Юхнова. Часть советских войск, в том числе 113, 160 и 338 дивизии, входивших в состав 33 армии, боровшихся под Вязьмой против превосходящих сил врага, оказались в окружении. К началу операции 20 января 1942 г. по овладению г. Вязьма обстановка была следующей: части 33 армии перешли в наступление по всему фронту на обороняющегося противника по реке Нара, сломали

его сопротивление, овладели населенными пунктами Наро–Фоминск, Боровск, Верея, Коряков, Ивакино, десятками других населенных пунктов.

После падения Вереи противник был лишен важного узла сопротивления, основных коммуникаций и баз снабжения, был открыт путь для успешного продвижения вперед с целью выхода в тыл вяземской группировки противника. Противник начал общий отход на заранее подготовленные позиции, сжигая по пути отхода населенные пункты, оказывая сопротивление и стремясь задержать продвижение наших частей.

К сожалению личный состав наших частей понес значительные потери в боях за освобождение Боровска, Вереи: в дивизиях осталось по 1,5 тыс. – 2 тыс. человек. Кроме того, бездорожье, сильные снежные заносы ограничивали маневренность и затрудняли наступление частей. Необеспеченность лыжами и недостаточная натренированность личного состава в хождении на лыжах, отсутствие лажных установок для артиллерии, недостаток горючего – все это замедляло движение вперед.

Артиллерия и тылы отстали на 15–20 км, машины бойцы таскали на себе. Преодолевая тяжелые условия марша, части армии с боями продвигались вперед. Директивой № 605–111 от 17 января 1942 г. Командующий Западным фронтом требовал уничтожить противника перед фронтом и овладеть городом Вязьма. Фронт наступления был растянут на 35–40 км. Справа 5 соседняя армия имела задачу овладеть г. Можайск, а слева 43 армия должна была овладеть Износками 3.

338 стрелковая дивизия в первом эшелоне Ударной группировки 33 армии, уничтожив противника на рубеже р. Угра, продолжала движение во взаимодействии со 113 стрелковой дивизией на Запад.

В начале февраля противник перешел в наступление с севера и юга по дороге Гжатск – Юхнов, атаковал бата-

льон 338 СД и другие подразделения. Авиация противника непрерывно по 15–20 самолетов бомбит боевые порядки и тыл частей армии.

Таким образом, главная ударная группировка, отрезанная от остальных частей армии и баз снабжения, оказалась к 2 февраля 1942 г. в окружении под Вязьмой и перешла к круговой обороне.

Командарм Ефремов предложил Главкому Западного фронта свое решение по выводу частей армии из окружения. Первое время командование отталчивалось, потом поступил приказ начать отступление на Киров, так как могла помочь 10 армия подготовить прорыв обороны противника. Однако Ефремов этого уже сделать не мог из-за огромной усталости бойцов, большого количества раненых, отсутствия продовольствия и боеприпасов. Наступившая в апреле оттепель до крайности сократила возможность маневра и связь группы с партизанскими районами, откуда она также получала продовольствие и фураж.

3–4 февраля дивизия ведет наступление на д. Красный холм и Красные Татарки. 5 февраля пехота противника при поддержке танков контратаковала с севера, в результате 1134 стрелковый полк дивизии понес большие потери и отступил, оставив населенные пункты Воробьевка, Юрино. 338 СД отступает и занимает позиции в районе Горожанка и Горбы. Начались массированные бомбардировки. Вечером 5 февраля командарм 33 армии приказал возобновить положение и наступать на Вязьму. Утром 6 февраля 338 СД атакует Юрино и Красные Татарки, но была встречена сильным пулеметным и минометным огнем противника, и вновь отходит. Войска начинают рыть окопы и строить блиндажи и землян-

ки. 13 февраля дивизия получила приказ – к часу ночи 14 февраля начать наступление на рубеже Красная Поляна–Каменка, совместно с 329 СД овладеть Слободой и продолжить наступление на Вязьму. Наступление началось в 4 утра, но, вновь встретив сильное огневое сопротивление, отступила на исходные позиции. 16–17 февраля – очередные неудачные попытки наступления. В дивизии 900 раненых, боеприпасов нет, лошадей кормят соломой, солдаты сами молотят рожь, горячая пища подается 2 раза в сутки – суп из зерен ржи и мяса убитых лошадей. Нет соли и махорки. По ночам прилетают самолеты У–2 и сбрасывают продовольствие в мешках, а снаряды в корзинах. При ударе о землю часть 45 и 76 м/м гильз деформировалась и была непригодны. Снарядов для гаубиц и мин не было.

20 февраля началось наступление противника. 1 марта немецкие танки атакуют Кобелево, но 1134 с.п. 338 СД отбил атаку и заставил врага отступить. 4 марта после мощной артподготовки пехота противника и 4 танка вновь начали наступление районе Красных Татарок, прорвали оборону 113 СД и 6 марта захватили Ломовку. 10 марта в окружении попал 1134 полк, в то же время 1184 полк под командованием капитана Логинова в ночь на 12 марта вышел из окружения и соединился с основными войсками.

24 марта командованию дивизии была поставлена задача занять оборону у Безымянного и Островки и сдерживать всеми силами наступление противника. С 3 по 10 апреля противник постоянно атакует позиции дивизии.

Командарм Ефремов предложил Главкому Западного фронта свое решение по выводу частей армии из окружения. Первое время командование отталчивалось, потом

поступил приказ начать отступление на Киров, так как могла помочь 10 армия подготовить прорыв обороны противника. Однако Ефремов этого уже сделать не мог из-за огромной усталости бойцов, большого количества раненых, отсутствия продовольствия и боеприпасов. Наступившая в апреле оттепель до крайности сократила возможность маневра и связь группы с партизанскими районами, откуда она также получала продовольствие и фураж.

68 Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов начал двигаться на восток. В телеграмме Г. К. Жукову он просил разрешение выходить на соединение с нашими главными силами кратчайшим путем, считая путь, предложенный командованием Западного фронта, слишком длинным для его утомленной группы. Получив отказ Г. К. Жукова, генерал-лейтенант М. Г. Ефремов обратился непосредственно в Ставку Верховного Главнокомандования по радио с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути через реку Угру, чтобы выйти через Шпыревские леса.

Ночью 11 апреля части 338 СД оторвались от противника и заняли оборону на рубеже Коростели-Высокое. 12 апреля пришел приказ на прорыв из окружения. В ночь на 15 апреля, уничтожив материальную часть артиллерии и минометы, 338 СД пошла на прорыв. Утром 15 апреля часть войск прорвалась, часть – вместе с обозом и ранеными – были отрезаны и уничтожены огнем минометов и пулеметов, бомбежкой с воздуха.

В своих мемуарах Г. К. Жуков отмечает, что у командарма были основания для такого решения – о невозможности двигаться кружным путем. Ставка приказала организовать встречный удар силами фронтами. Такой удар был подготовлен и осуществлен 43-ей армией,

однако удара со стороны группы генерала-лейтенанта М. Г. Ефремова не последовало. Как выяснилось позже, немцы обнаружили группу Ефремова при движении к реке Угре и разбили его. Командарм Ефремов, дравшийся, как настоящий герой, был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Так трагически оборвалась 18 апреля 1942 г. жизнь выдающегося полководца, вместе с которым погибла значительная часть его группы. За боевую доблесть в битве под Москвой генерал М. Г. Ефремов был награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Небольшая группа дивизии во главе с командиром дивизии Кученевым соединилась с партизанским отрядом Жабо.

Мужеством и героизмом попавших в окружение бойцов 33 армии и входивших в нее дивизий восхищались гитлеровцы.

69 В начале апреля 1942 г. оставшиеся боеспособными подразделения 338 стрелковой дивизии под руководством командира Кученева вышли из окружения с боевыми знаменами. В августе 1942 г. дивизия получила задачу перейти к обороне на рубеже Березки – совхоз «Красная горка». В обороне дивизия стояла более 8 месяцев. 8 марта 1943 г., прорвав глубоко эшелонированную оборону противника, дивизия перешла в наступление, выйдя на оперативные просторы Смоленской области.

338 стрелковая дивизия участвовала в освобождении Калужской и Смоленской областей, Белоруссии и Литвы.

В октябре 1944 г. в числе первых соединений дивизия вступила на территорию фашистской Германии, с жестокими боями прошла через всю Восточную Пруссию и закончила войну в Европе штурмом самой мощной кре-

пости фашистов г. Кенигсберга и выходом к Балтийскому морю в районах Фишхаузена и Пиллау. В июне 1945 г. дивизия в составе 39 армии была переброшена на Дальний Восток, где приняла участие в разгроме миллионной Квантунской армии милитаристской Японии.

За эту операцию дивизия награждена орденом Красного Знамени. Великую Отечественную войну дивизия закончила на берегах Желтого моря в городе русской славы – Порт-Артуре.

Тысячи лучших сынов Отечества пали в боях за свободу и независимость Родины. На месте боев бывшей дивизии стоят ныне обелиски, памятники, увековечившие святую память о героях Великой Отечественной войны.

А. А. Грачев

70

Одна из последних записей отца:

10 марта 1984 года в передаче «Победители» клуба фронтовых друзей встречались солдаты и командиры 33-й Армии, которые участвовали в освобождении Берлина. Молодцы!

Я из 33 Армии!

Дом, милый дом...

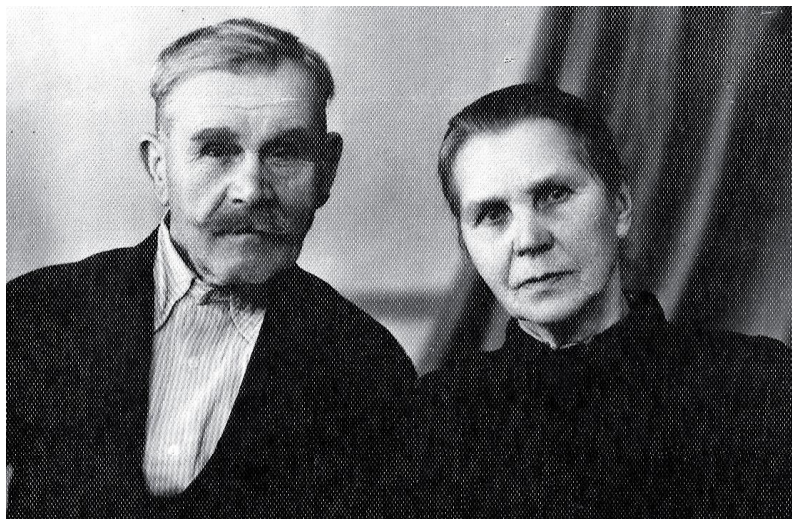

Наш дом в деревне Новенькое. Зима. 1947 год

71

1957 год

*Родители папы:
Иван Сергеевич, Федосья Васильевна Феоктистовы. 1959 год*

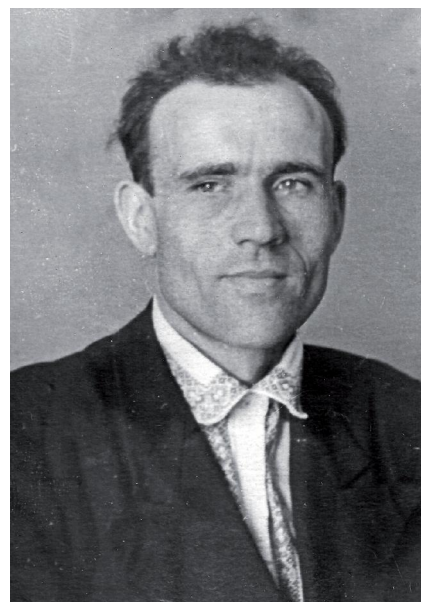

Калинин, июнь 1941 года

73

*Мой папа.
Алексей Иванович
Феоктистов. 1940 год*

*Норильск, 1945 год
(фото из личного дела).
Здесь папе 23 года.*

72

Через дорогу от дома. Видно крышу сарая. 1957 год

Река Тверца. Вид с высокого берега

74

В ограде дома

75

*Дорожка к берегу
Тверцы*

*Семья. Первый приезд мамы в деревню.
Май 1950 года, мне 9 месяцев*

У окошка. 1964год

77

76

*Первый приезд папы домой.
Август 1953года*

На лавочке около дома. 1957 год

Родня

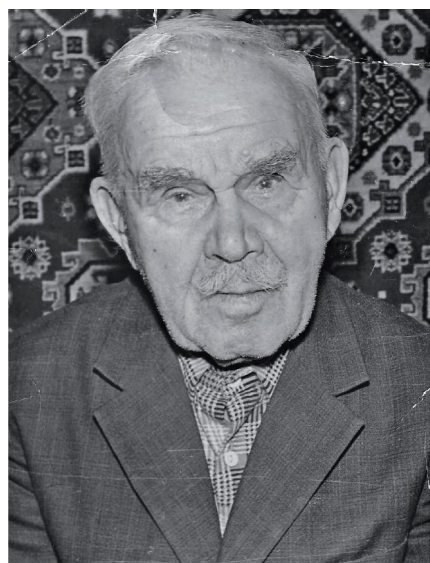
Пошла на огород!

*Папа с сестрами
Верой и Полиной. 1961 год*

78

79

*Дедушке 85 лет.
Май 1976 года*

Все вместе. 1961 год

Дорога от железнодорожной станции в деревню

С сестрами Верой и Марией

80

Снова дома!

81

*С Леной,
женой брата Петра*

Раздолье, на берегу Тверцы. 1963 год

Бабушка Лена (в середине) у забора дома. 1957 г.

*Бабушка с Ольгой,
женой Геннадия*

*Первый отпуск.
Ессентуки, 1953 г.*

Норильск

84

Такие молодые и красивые! 1948 г.

День рождения, 24 марта 1951 года. 29 лет

85

Норильск, 1958 г.

86

*Впервые вместе
в отпуске. Ессентуки,
1953 г.*

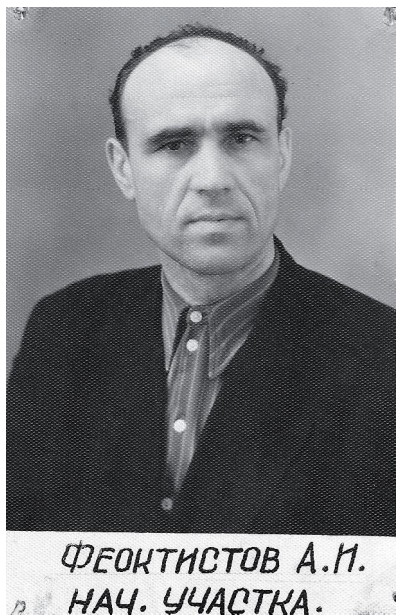

Ессентуки, 1953 г.

87

С семьей в Сочи. Дендрарий. Август 1961 года

Норильск, 1960-е годы

90

1975 год

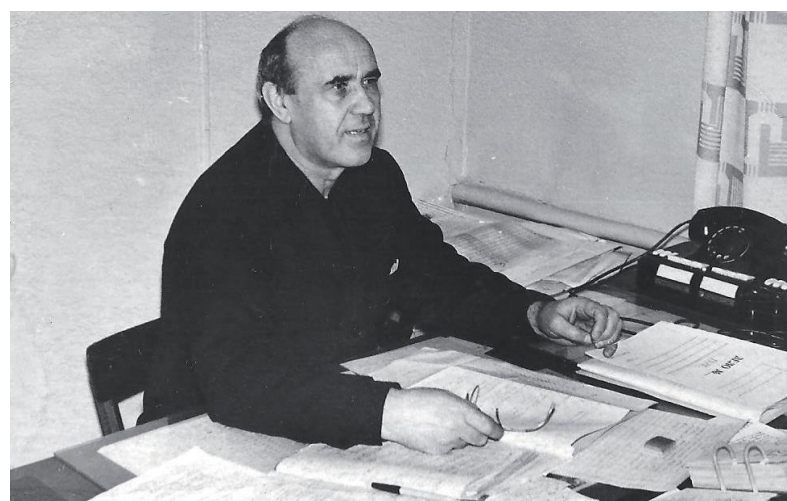

На первомайской демонстрации

Норильск, ресторан «Лама». Юбилей, 55 лет. Март 1977 года

91

*В рабочем кабинете начальника ПТО
Управления строительства Норильского комбината. 1975 год*

Алма-Ата. 1980 год

*Фото с доски почета
Управления
строительства
Норильского комбината*

*Алма-
Ата.
1980 год*

Папа и я

Норильск. 1953 год

1954 год

На озере Лама. 1954 год

В деревне у бабушки. Рядом дядя Петя. Грибов набрали – море!

Нам хорошо вдвоем. 1957 год

Сочи, 1961 год

На первомайской демонстрации. 1962 год

Мы с папой и братом. 1959 год

1975 год

На юбилее в ресторане Лама. Норильск, 1977 год

Послесловие

*Летят за днями дни,
и каждый час уносит частичку бытия...*

А. Пушкин

Ну, вот я, как смогла, закончила разбор записей отца, собрав воедино все разрозненные события его нелегкой жизни.

Но остались сомнения и чувство неудовлетворенности собой, как будто я что-то забыла или упустила... и надо ли показывать все это, глубоко личное, другим? И не лучше ли оставить это только для моей семьи?

Но вот парадокс: как раз семья и считает, что надо печатать.

Какой он был, мой папа? Для меня – образцом настоящего человека, мужчины. Я в юности говорила всем своим подругам, что мужа хочу такого, как мой отец (но, к сожалению, это не получилось).

С раннего детства, всегда я знала, что между нами существовала какая-то особенная связь; нас связывала незримая нить, которая существует и по сей день. Поверьте, это так.

Вот мне 5–6 лет. Живем в небольшой комнате коммунальной квартиры. Родители работают по «сменам», так что не всегда вижу их обоих дома вместе. Но вот удача, у обоих выходной в один день. Наступает вечер нетерпеливого ожидания, когда нужно ложиться спать. Я спала на маленьком диванчике с откидными валиками, и вот мама приставляет к нему стулья и мы с папой ложимся «разговаривать». На вопрос «что тебе сегодня – почитать книжку или рассказать сказку?» – ответ один: «Папа, расскажи мне про войну». И начинаются эти фантастические рассказы о подвигах наших солдат, о том как они, и отец в том числе, били фашистов, а главное, все оставались живы, но, может, если только чуть–чуть ранены.

Что я испытывала после его рассказов? Не поверите, но это было чувство гордости, что мой отец герой, и он вот тут рядом со мной.

Жаль, что это время так быстро пролетело.

Я закончила третий класс. В это время в Норильске открылась музыкальная школа и мама воодушевилась желанием сделать из меня знаменитую скрипачку. Мы, в это время, из коммуналку переехали в однокомнатную квартиру («хрущевку»), родился брат Сергей, да еще с нами жила бабушка, мамина мать. Скрипку выдали в школе, но домой брать не разрешали, так как инструментов на всех не хватало. Приходилось из общеобразовательной школы после уроков идти в музыкалку на занятия, затем «худо–бедно» постараться выучить домашнее задание. В таких мучениях прошел целый учебный год.

Летом мы с мамой и братом уехали на море и вернулись домой только в августе. Папа нас встречал в аэропорту и был весь такой загадочный, так что его пове-

дение настраивало на какой–то сюрприз. И вот, войдя в комнату я увидела... ПИАНИНО! Где он смог достать в 1959 году такой инструмент в Норильске, уму непостижимо. Но это же был мой папа! Он мог все!

Конечно меня тут же перевели, к моей радости, из группы скрипок. В 9 классе я закончила музыкальную школу и навсегда закрыла крышку фортепиано, но благодарна своим родителям за то, что они настояли, а я смогла получить дополнительное образование.

Учиться в шестом классе я пошла в городе Ессентуки. Мы с мамой проходили лечение в санатории, а папа с братом жили неподалеку от нас, снимали квартиру.

После санатория еще весь октябрь и ноябрь мы жили в Ессентуках, мама посадила меня на строгую диету: минеральная вода и диетическое питание, состоящее, в основном, из крольчатины, которую покупали на рынке.

Но как–то лечение не пошло на пользу, по приезду в Норильск мне стало еще хуже, каждый день была температура и врачи назначили серию уколов.

И снова что–то опять пошло не так, медсестра занесла заражение, начался абсцесс.

Есть я ничего не могла, – может, и скушала бы кусочек кролика, но где ж его взять?

Но для моего отца не было преград ни в чем. Хочешь кролика? Пожалуйста! Где он его достал, не знаю, знаю одно, что для меня у него не было невозможного. И я пошла на поправку.

У нас с отцом были два своих мероприятия, которые принадлежали только нам и посягательств на них мы не допускали. Это: первомайская демонстрация и печать фотографий.

Каждый год поход на первомайскую демонстрацию воспринимался как праздник, и не только как праздник

весны, а как наш личный с отцом праздник, тем более, что погода не всегда баловала норильчан, минус 20° С в мае – да это просто «Ташкент»! В колонне в основном были мужчины, женщин и детей было мало, а меня все папины сослуживцы знали и хорошо встречали. А какой восторг я испытывала, когда, проходя мимо трибуны, на слова «Слава советским строителям!» вместе со всеми кричала «ура»!

У отца был фотоаппарат «ФЭД». Фотографировали в ту пору много, все семейные праздники, дни рождения, друзей, отпуск и многое другое. Пленки накапливались и вот наступал момент, когда надо было их проявить и печатать фотографии.

104 Печатали мы ночью, но подготовка начиналась еще с вечера. И вот в малюсенькой туалетной комнате устанавливался фотоувеличитель с объективом, приготавливались растворы для печати и ещё ряд всяких нужных расходных предметов: кюветы, фотобумага, щипцы и др. Выключался свет, включался красный фонарь и начиналось – волшебство, а как ещё можно назвать появление на пустом листе фото бумаги снимка?

Утром мокрые напечатанные фотографии нужно было резиновым валиком раскатать на стекле, а после того, как они высохнут, обрезать специальным фигурным резакон.

Разве можно это забыть? Никогда!

Но годы шли, я окончила школу, уехала, поступила в институт, вышла замуж. Встречи и общения становились все короче, но ниточка не рвалась!

Я хорошо это ощутила, когда в 1980 году отец собрался уезжать из Норильска «насовсем». Семья уже была в Алма-Ате и он дорабатывал последние месяцы. В тот

год моя дочь Кристина осталась у бабушки и так получилось, что я и отец жили эти последние его месяцы вдвоем. Как-то так складывалось, что мы почти не виделись в будние дни, я работала в вечерней школе, вторая смена занятий заканчивалась пять минут одиннадцатого, домой приходила поздно, папа уже спал, а утром он уходил на работу, я ещё спала. Но выходные были наши! Заправлял всем он, сам готовил обед, мы обедали, и тут выяснялось, что нам есть что сказать друг другу. Разговоры были нескончаемые обо всём, о его и моей работе, о семье, о ситуации, которая на тот период сложилась в моей семье, и очень редко (но было!) о его прошлой жизни.

И вот пришел тот страшный день – суббота, 28 мая 1993 года. Я была на работе, позвонила Кристина и сообщила печальное известие. Прямых рейсов из Норильска в Алма-Ату не было, да и летали они не каждый день, нужно было делать пересадку в Красноярске. По телеграмме билеты я купила быстро, но была ещё одна проблема: в Красноярск я улетала в воскресенье, а рейс на Алма-Ату был в понедельник, (и когда будет следующий – никто не знал, вспомните, какая ситуация уже назревала в стране).

105 Сижу в аэропорту, погода нелетная, для Норильска это нормальное явление. Просидела целый день и ночь. Погода нелетная. Только в понедельник, где-то после обеда объявляют посадку в самолет. Летим – и я понимаю, что на алма-атинский рейс уже опоздала. Слезы текут непроизвольно, и это заметила стюардесса.

Поинтересовась, что у меня случилось. Рассказываю и с тайной надеждой прошу спросить у экипажа – может, самолет на Алма-Ату еще не улетел, и я, хоть по летному полю, смогу добежать на посадку?

Стюардесса ушла. Через какое-то время идет назад и улыбается. Я в шоке: что смешного она увидела в моей ситуации? Но – о чудо, она говорит, что мой рейс не улетал из Красноярска из-за неприбытия самолета из Алма-Аты, и вот наш самолет прилетит в Красноярск, разгрузится, заправится и полетит куда мне надо!

Верите ли вы в потустороннюю связь? Я – верю, потому что это он, папа, сделал так, чтобы я успела с ним попрощаться. Поэтому наша с ним связующая нас нить не оборвется никогда, я это знаю наверняка.

Так сложилось, что вся моя маленькая семья лежит в чужой казахской земле: папа, мама, брат Сергей. Это моя боль и только моя.

106

Но я все помню, люблю их, и не забуду до самого моего конца.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	4
Глава 1. <i>Детство</i>	7
Глава 2. <i>Юность</i>	11
Глава 3. <i>Учеба</i>	13
Глава 4. <i>Довоенная жизнь</i>	17
Глава 5. <i>Комсомол</i>	21
Глава 6. <i>Рыбалка</i>	25
Глава 7. <i>Война</i>	27
Глава 8. <i>Как это было</i>	31
Глава 9. <i>Плен</i>	36
Глава 10. <i>Норильск</i>	39
Глава 11. <i>Славный род мой</i>	42
Глава 12. <i>Жуков</i>	46
<i>Приложение</i>	58
Послесловие. <i>Связующая нить</i>	64

Лилия Федотова (Феоктистова)

***...Жизнь моя,
иль ты приснилась мне?...***

*Воспоминания моего отца,
Феоктистова Алексея Ивановича*

*Верстка, оформление обложки, редакция –
издательство «Часть речи»*

+7 (905) 269–11–20

Санкт–Петербург

2022 год